

Подчиню тебя себе

Автор:

[Мэри Влад](#)

Подчиню тебя себе

Мэри Влад

Тори Майрон

Тебя – себе #2

Выдавая меня замуж, родители обещали, что я окажусь в сказке. Однако у моего мужа на меня совсем другие планы. Я предала его, сама того не зная. Мой супруг холодный и жестокий человек, а я – пешка в его руках. Он не любит меня, но я нужна ему. И он не отпустит...Продолжение книги «Заберу тебя себе».

Мэри Влад, Тори Майрон

Подчиню тебя себе

Глава 1

Начало истории в бесплатной книге «Заберу тебя себе»

Алина

Рой мыслей крутится в голове, пока мы поднимаемся на второй этаж. Треклятая лестница. Сколько раз я по ней уже прошла сегодня? Назар ведёт меня по коридору, всё так же сжимая мою руку, но я даже не рыпаюсь. Таким бешеным я Назара ещё не видела. Скандал сейчас и правда не нужен. Выясним всё наедине, за закрытыми дверями.

Он вталкивает меня в кабинет и закрывает за нами дверь. На ключ. И ключ этот кладёт в нагрудный карман. Что за...

– Дай мне ключ! – требую, задыхаясь от возмущения. – Сейчас же!

Назар никак не реагирует на мои требования, а спокойно идёт к столу, наливает себе выпить и делает пару глотков. Ни разу не видела, чтобы он пил. И спиртным от него никогда не пахло. Но сейчас это вообще неважно.

– Не объяснишь, что ты там устроил? Почему папа подыграл тебе? Или он, наоборот, тебя подкупил? Но зачем? Что происходит, Назар? С какой радости ты ведёшь себя здесь как дома?

Продолжаю засыпать его вопросами, но в ответ не получаю ничего. Назар просто пьёт виски и молчит, а я закипаю всё больше. А если Доган сейчас откроет дверь своим ключом и застучает нас? Как тогда объяснить, что я заперлась в кабинете с другим мужчиной? Какой ужас!

От невозможности хоть как-то повлиять на ситуацию злость закручивается с удвоенной силой, и я вновь требую, требую и требую. А ещё угрожаю. Но на Назара не действует ничего. Он меня будто даже не видит!

Лишь когда мой поток возмущений иссякает, я наконец осматриваюсь, и понимание бьёт наотмашь.

Сбоку от рабочего стола висит та самая картина. Подхожу к ней и застываю.

– Что... Что она здесь делает?

– Не волнуйся, – доносится в спину. – Сюда никто, кроме меня, не заходит. Ещё, конечно, горничная, но она немая. Иметь при себе телефон во время работы ей

запрещено, так что сфоткать тоже не сможет.

Медленно поворачиваюсь. Назар не сводит с меня глаз, и взгляд его недобрый. Нет в нём больше восхищения. Только чернильная тьма, утягивающая на дно, и вспыхивающие опасные огни. Кажется, он готов разорвать меня. Инстинктивно отступаю на шаг и шепчу:

– Кто ты такой?

– Эмир Доган.

Я и сама это понимаю. Поняла ещё внизу, когда Назар подошёл к нам, но отказывалась верить. И не верю до сих пор, хоть мозг и сигналил о том, что сейчас в кресле сидит вовсе не мой Назар. Этот мужчина слишком шикарный, жёсткий и холодный.

– Это что, шутка? – спрашиваю, всё ещё отрицая очевидное. – Я же видела фото.

– Тебе специально подложили не мою фотографию.

– Но зачем? Я не понимаю. Если ты и есть Эмир Доган, то к чему этот спектакль? Зачем ты обманывал меня? Почему не сказал ничего? Ты следил за мной? Тогда, в клубе? И почему был так уверен, что я не полезу в интернет и не найду твои настоящие фотографии?

– Как много вопросов, – он усмехается, ставит рокс на столик и резко поднимается на ноги. – Не против, если отвечу чуть позже?

Доган в три шага сокращает расстояние между нами. Шарахаюсь назад, но ноги путаются в подоле платья, и я теряю равновесие. Эмир реагирует молниеносно. Подхватывает меня, заключает в объятия, окутывая своим потрясающим запахом, и большим пальцем оттягивает мою нижнюю губу. Его взгляд темнеет всё больше, дыхание тяжелеет, становится рваным, а черты лица заостряются. Он злится.

Нет, даже не так. Эмир взбешён. И ещё возбуждён. По ходу, очень сильно, потому что в следующую секунду он обрушивается на мои губы, сминая их и

сразу кусая до крови. Его язык хозяйничает во рту, ладони до боли стискивают мои бёдра, а привкус алкоголя сигнализирует о том, что Эмир и не подумает останавливаться. Но я и не хочу, чтобы он прекращал. Моё тело взывает к нему, а между ног и вовсе полыхает огнём.

Я так скучала. Боже...

Целую Эмира в ответ, царапаю ногтями шею, и в голове стучит только одна мысль: теперь мы сможем быть вместе. Всегда. Плевать, что он обманул меня и какими мотивами при этом руководствовался. Я ведь тоже врала ему. Он всё объяснит мне потом. Всё будет хорошо. Мы поговорим, всё выясним, извинимся друг перед другом, но позже. Сейчас мы оба хотим одного и того же.

Плавлюсь, умирая в его властных руках, растворяясь и пропадая. Сознание начисто стирается, а мир вокруг перестаёт существовать. И лишь когда Эмир разворачивает меня и грубо нагибает над столом, я немного прихожу в себя.

– Что ты делаешь?

– Я неделю не трахался. Как ты думаешь, что я делаю?

Он одним движением задирает пышный подол платья, матерится и отвешивает по моей заднице звонкий шлепок. Мне не нравится, как Эмир ведёт себя сейчас со мной. Слишком грубо. Слишком... потребительски. Хочу выпрямиться и одёрнуть платье, но Эмир припечатывает меня к столу. Его пальцы оттягивают полоску стрингов в сторону, растирают влагу, а затем я чувствую холод на ягодицах. Вжик – и ножницы перерезают кружево.

– Ноги шире, – звучит холодный приказ, но я не подчиняюсь.

Эмир сам раздвигает их коленом, а затем я слышу, как звякает пряжка ремня. Знаю, что он не сделает мне больно, ведь я тоже успела возбудиться. Но сам факт того, что Эмир сейчас поимеет меня, распластав на столе против моей воли, унижает.

Слёзы жгут глаза, когда он входит в меня, засаживая сразу глубоко и отнюдь не нежно. Эмир совершенно не заботится ни о моём комфорте, ни о моём

удовольствию. Он долбится в меня как фанатик, его пальцы впиваются в бёдра, раскачивают их. С каждым остервенелым проникновением бьюсь о стол всё сильнее. Но этой боли я не чувствую. А вот слова, которые Эмир произносит – ранят.

– Этого ты хотела? Жить в роскоши и богатстве? Купаться в брильянтах? Но при этом как проститутка раздвигать ноги по приказу нелюбимого мужика? Этого, блять? Радуйся, ты получила желаемое. Нужно признать, у тебя хорошо получается. Быть покорной шлюхой – твоё призвание.

Он вбивается в меня ещё сильнее и глубже, словно напополам разломать желает. Но ломает Эмир не тело, а сердце. И не напополам, а вдребезги.

Он и раньше во время секса не шибко сдерживал свой жгучий темперамент, но сейчас Доган не просто трахает меня, а обрушивает на меня всю ярость, которую я сама же в нём и породила. Назар хоть и трахал меня жёстко, но всегда был чутким и внимательным, стараясь доставить мне удовольствие, а Эмир... Эмиру плевать на то, что может сделать мне больно или унижить. Он уже унижает. Пусть здесь никого, кроме нас, нет, но мне так горько внутри. Так обидно. Знаю, он вправе злиться. За мою ложь, за те слова, что я ему наговорила. Но ведь и он не был честен со мной.

Моя сказка, которая ещё несколько минут назад казалась реальной, рушится с оглушительным треском. Эмир устроит мне ад. Он будет мстить, я уверена. То, что происходит сейчас – только начало.

Кончает Эмир прямо в меня, я чувствую это. Он впервые не надел презерватив. Значит, теперь ему и правда плевать на моё мнение и состояние. Он вытаскивает член, и я медленно распрямляюсь. Стираю слёзы, ощущая, как сперма стекает по ногам. Эмир не предлагает мне салфетки, полотенце или помощь. Он вообще не произносит ни слова. Озираюсь по сторонам в поиске того, чем можно обтереться, но не нахожу ничего подходящего, и всхлипываю, не в силах сдержать новый поток слёз.

Чёрт! Не хочу реветь перед ним. Не хочу показывать свою слабость. Но как же мне паршиво сейчас. И ещё почему-то стыдно. Он поимел меня как какую-то шлюху. Грязно. Быстро. Пошло.

Потому что может.

Потому что ненавидит.

Потому что не уважает.

И я сама этого добилась.

Поднимаю с пола разрезанные трусики, вытираюсь ими, отправляю их в мусорное ведро, привожу платье в порядок. Вижу зеркало в другом конце кабинета и направляюсь к нему. Выгляжу я ужасно. Не потрёпано, а именно ужасно. Глаза заплаканные, макияж и причёска испорчены, губы искусаны. Как в таком виде появиться на людях? Мне самой от себя тошно.

– Эмир, мне нужно в свою комнату.

Так странно называть его другим именем. Но сейчас он именно Эмир Доган. Равнодушный незнакомец, а не мой Назар, которому ещё вчера, как мне казалось, я разбила сердце.

– Выпусти меня отсюда. Мне необходимо привести себя в порядок, – я не требую, боясь заслужить ещё один наплыв его злости, но и не прошу. Эмир и так достаточно унизил меня. Не собираюсь я ещё и умолять его о чём-то.

Он расслаблено откидывается на спинку кресла, делает глоток виски, затем размещает руки на подлокотники.

– Зачем? – спрашивает, но смотрит при этом не на меня, а в стену.

– Ты разве не видишь, как я выгляжу?

– Присядь, – бросает холодно, всё так же не смотря на меня.

Мне хочется съёжиться от его равнодушного голоса, но я ни за что не позволю себе выглядеть в глазах Эмира ещё более жалкой. Беру волю в кулак и заставляю себя расправить плечи, а затем опускаюсь в кресло сбоку и жду. На столе перед нами лежит какая-то папка. Чёрная, не особо тонкая. Разглядываю

её, потом переключаюсь на стены, лишь бы не смотреть на него, хотя очень хочется.

Минуты тянутся медленно, а мы так и продолжаем молчать. Меня для него словно больше не существует. От этого так больно. Украдкой смахиваю слёзы и нетерпеливо вздыхаю. Здесь настолько тихо, что я слышу тиканье часов и позвякивание кубиков льда в бокале Эмира каждый раз, когда он делает глоток.

– Мы долго ещё будем играть в молчанку? – напоминаю я ещё раз о своём присутствии. – Мне нужно идти готовиться к церемонии или нет?

– К какой?

– У нас же свадьба.

– Разве?

– Ты же сам хотел, чтобы я вышла за тебя замуж.

– Кто тебе такое сказал? Я не настаивал на браке. Мне, в общем-то, плевать. А вот твой отец очень жаждет видеть тебя моей женой. Как думаешь, зачем? Ему так важно, чтобы свадьба состоялась, что даже согласился подыграть мне, показав тебе чужое фото, – Эмир ухмыляется. – Он так тебя нахваливал, говорил, что ты настоящее сокровище. Нетронутый бриллиант. Но, как мы оба знаем, цветок я уже сорвал. Ты не прошла проверку. Ни по одному из пунктов.

Впиваюсь ногтями в ладони и недовольно бормочу:

– А ты, значит, ни в чём не виноват, так? Я одна здесь плохая?

– Ты не плохая. Просто очередная меркантильная пустышка. Совершенно не мой тип женщин. С такими нельзя создавать семью. Вы годитесь только для секса.

Его слова точно контрольный выстрел в голову. Про сердце я уже не заикаюсь. От него лишь одни ошмётки остались. Да, я понимаю, почему он так груб со мной. Вчера я тоже его не щадила, но... чёрт! Я не пустышка. Я кто угодно, но не пустышка, пусть Эмир и считает иначе.

– Значит, ты на мне не женишься? – тихо уточняю я, из последних сил сдерживая очередную поток слёз.

– Ещё не решил.

Сказать, что я в равной степени зла и растеряна – ничего не сказать. Вся моя уверенность растаяла и возвращаться, кажется, не собирается. Ничего не могу с собой поделаться. Руки дрожат, в горле ком, а голос и вовсе подводит. Чувствую себя маленькой девочкой, которую предали и отдали на растерзание льву.

– И когда ты соизволишь решить? – бросаю взгляд на часы. – Гости давно внизу. До церемонии осталось всего сорок минут. Мне должны успеть поправить макияж и причёску. Эмир, открой дверь.

Ноль реакции. Я будто с мебелью говорю. Не знаю, как поступить. Грубить точно нельзя, хотя язык так и чешется, лебезить – тоже не лучший вариант, а здравые рассуждения Доган игнорирует, продолжая делать вид, что находится здесь один. Он сейчас такой... чужой. Совершенно незнакомый человек сидит со мной в одной комнате. Я будто впервые его вижу.

Эмир неприступен, жесток и до умопомрачения богат. Ему дико идёт смокинг и этот бокал с дорогим алкоголем. Идёт холодность и отстранённость. Идёт власть, роскошь и деньги. Я ведь всегда мечтала о таком мужчине. Взрослом, но не старом. Волевым, красивом, сексуальном и состоятельном. Добившемся всего, о чём можно мечтать. Но почему сейчас у меня так болит сердце?

Потому что я знаю: Эмир меня не любит. А я люблю. Мои чувства никуда не делись. Даже после того, как узнала о его вранье. Даже после того, как он взял меня у стола и кончил в меня, не думая о последствиях. Даже сейчас, когда он сидит и игнорирует моё присутствие, я украдкой смотрю на него, восхищаюсь и еле-еле подавляю желание сесть к нему на колени.

Глупая Алина...

Надежда, говорят, умирает последней. И я больше не хочу испытывать судьбу. Если сейчас начну ластиться к Эмиру, то только разозлю ещё больше. А я и так уже успела испытать на себе его гнев.

Спустя ещё минут десять Эмир допивает очередной бокал и наконец обращает на меня внимание. Улыбается, подаётся вперёд, берёт со стола папку и протягивает мне. Впервые за всё время нашего знакомства его улыбка мне совсем не нравится.

По мере изучения содержимого на меня обрушиваются волны отчаяния. Каждая из них – сильнее предыдущей. Я не знала, как обстоят дела на самом деле. Да, папа сказал, что у него проблемы, но не уточнял какие именно. И уж тем более не говорил, что замешан не он один. Папа не просто ввязался в сомнительную и нелегальную авантюру, он и нас с мамой поставил под удар. Наши имена фигурируют в документах. И на маму, и на меня открыты офшорные счета, куда поступали грязные деньги. Это же уголовка. Господи... Если папа не выплатит всё, что задолжал, то всё вскроется. Однако тюрьма станет для нас спасением, а не приговором. Люди и за меньшие деньги убивают. А суммы долгов такие, что нам в жизни их не покрыть.

Единственный, кто готов выкупить их – это Доган. Вот только есть один нюанс: вместе с долгами он заберёт и бизнес. Контрольный пакет акций окажется в его руках, и компания отойдёт Эмиру. А папа станет просто генеральным директором. В договоре и документах ни слова о свадьбе. Доган сказал правду. Это не было его требованием – понимаю совершенно точно. Отец соврал мне. Я не нужна Эмиру. Папа сам предложил меня ему, чтобы стать его тестем и обеспечить себе благосклонность Догана.

Папка падает на пол, и глаза снова наполняются слезами. Меня трясёт, тошнота подкатывает к горлу, а зрение покидает. Кажется, если встану на ноги, то тотчас рухну.

– Ну что, Катюш, как тебе такая сказка? – доносится сквозь звон в ушах, и я понимаю, что с этой минуты моя жизнь и правда целиком и полностью находится в руках Эмира Догана.

Глава 2

Эмир

– Я... я Алина, – шепчет она, роняя слёзы.

Она выглядит такой несчастной и растерянной, что, даже несмотря на злость, которая плещется внутри меня, хочется обнять и утешить, но я гашу этот порыв. Алина Воскресенская предельно ясно показала, кто она есть на самом деле. Очередная избалованная сучка, считающая себя королевой. И плевать она хотела на других людей. Меркантильная дрянь, каких вокруг меня и так предостаточно. Им всем важны только деньги и статус. Больше ничего.

Если бы она дала Назару шанс, ей не пришлось бы выбирать. Я бы сказал ей правду сразу же. Но Алина выбрала деньги, а не любовь. Что ж. Меня вполне устраивают товарно-денежные отношения. Алина Воскресенская получит свою сказку. Но вряд ли эта сказка ей понравится.

А в какой-то момент я ведь и правда поверил в то, что она хорошая. Наивный дурак. Алина – дочь Григория Воскресенского. Яблоко от яблони всегда падает недалеко.

Этот человек уничтожил мою жизнь и даже не помнит об этом. Он не узнал меня, потому что никогда прежде не видел. Имя я сменил, создав новую личность.

Когда умер отец, мне было двенадцать. Я видел, что мама была убита горем. Она не замкнулась в себе, продолжала ходить на работу, готовить, убираться, говорить со мной, принимать активное участие в моей жизни, но из её глаз исчез свет. Я дал себе слово, что верну его. Сделаю всё, чтобы мама снова улыбалась и сияла.

Я хотел вытянуть нас из нищеты, в которой мы оказались после смерти папы. И у меня получилось. Я выучился на архитектора. К двадцати четырём годам встал на ноги. По крайней мере, мне так казалось. У нас наконец-то появились деньги. Мама жутко гордилась мной. И она улыбалась. Её улыбка придавала мне сил и согревала изнутри.

Я работал как чёрт. Не на дядю, нет. У меня был свой, пусть маленький, но всё же бизнес. Агентство по строительству, ремонту и дизайну помещений. Ума не приложу, как мне удалось собрать такую отличную команду, но спустя всего три

месяца дела круто пошли в гору, и я вздумал расширяться, чёрт меня дернул. Нашёл инвесторов, убедил их поверить в меня и через полгода уже смог тягаться с топовыми строительными компаниями.

Ох, если бы я только знал...

Когда я первый раз полюбил, мне было двадцать пять. Красивая, чистая и добрая девушка – так мне казалось. Но на деле – тварь, которую подослали конкуренты, чтобы лишиться меня всего.

Именно моя компания выиграла тендер на крупный заказ. И не где-нибудь, а в России.

Мой папа русский, и он брал меня с собой в Москву, когда мне было восемь. Я провёл здесь целое лето и с тех пор мечтал снова прилететь сюда. Не было ни одного дня, чтобы я не практиковался в произношении русских слов. Отец всегда говорил со мной только на своём родном языке. Но, когда папы не стало, пришлось разговаривать с зеркалом. Мама плохо понимала по-русски.

Когда-то давно отец приехал в Турцию и встретил мою мать. Курортный роман перерос в серьёзные отношения, папа сделал маме предложение, эмигрировал, получил гражданство и осел в Турции навсегда. Я – ребёнок любви русского и турчанки. Во мне много противотечений, и характер у меня не сахар, но я знаю, что такое настоящая любовь. Видел на примере родителей. Жаль, что папа так рано нас покинул.

В общем, я чуть не прыгал от радости, выиграв тот тендер. Представлял, как гуляю по Красной площади, как еду на озеро, где мы с отцом рыбачили, и улыбался во весь рот. Мама согласилась полететь со мной. Но у судьбы были совсем другие планы.

В тот же вечер к нам в дом вломились люди. Плохие люди. Их было много, скрутили они меня быстро, хоть я и успел оглушить троих. Мама пыталась помешать им увести меня, и её застрелили. Прямо на моих глазах.

Я очнулся в больнице спустя несколько дней. Волонтёры подобрали меня на свалке. Избитого до полусмерти. Наверное, наёмники подумали, что я умер, поэтому не пустили контрольный в голову. А может, просто оставили подышать

как собаку.

Я поклялся отомстить. И вот я здесь. Ведь именно Григорий Воскресенский стоял за всем этим. Не он один, но с его турецкими партнёрами я уже почти расправился. Явуз гниёт в тюрьме, а Чакир вот-вот составит ему компанию. Воскресенского ждёт участь не лучше. Я уничтожу их, а потом брошу гнить за решётку.

Они забрали у меня всё. Девушка, подосланная ко мне, выкрала документы компании и подожгла мой офис. Наш дом тоже сожгли. Меня подставили, сфабриковали доказательства, обвинили в мошенничестве, а компанию без моего ведома переписали на подставное лицо.

В одночасье я лишился всего – матери, девушки, на которой хотел жениться, фирмы, репутации, жилья. Даже жизни. Когда-то меня звали Назар Лавров. Но тот парень умер семь лет назад.

А вот Эмир Доган вполне себе функционирует и наконец-то силён настолько, что готов стереть в порошок всех, кто был причастен к случившемуся. Любой ценой.

Да, я умер в ту ночь. А тому, кто уже мёртв, терять нечего.

Мне всего тридцать два, но я уже стал тем, кто может подмять под себя кого угодно, если понадобится. Что за волшебство, так не бывает – скажете вы. И я отвечу: никакого волшебства, лишь стечение обстоятельств и цель, которая мной движет. Человек способен горы свернуть, если знает, ради чего он это делает.

Так уж вышло, что меня выхаживал Керем, основатель центра социальной помощи. Под его началом и находится та больница, где я оказался. Керем – добрейшей души человек. Мудрый, светлый, готовый ради других отдать последнюю рубашку. Он открыл мне глаза на многое. Не дал согнуться во тьме, которая до сих пор жрёт меня изнутри.

Но Керем не всегда был таким просветлённым. Он не понаслышке знает, что такое тёмная сторона. Когда-то давно Керем был членом криминальной группировки. А оттуда просто так не уходят. Нет, Керема никто не тронул, его отпустили с миром. Даже защиту его социального центра обеспечили. Но ничего

не бывает задаром. Взамен на это Керему поставили условие: при необходимости оказывать медицинскую помощь членам группировки, не привлекать полицию и не задавать вопросов. Мог ли он отказаться? Думаю, ответ очевиден.

Так вот, о случайностях. На моё счастье или беду, соседом по палате оказался не абы кто, а сам главарь той группировки. Хотя во главе он встал аккуратно после нападения на них с отцом. Отец не выжил, а Юсуфа еле вытащили с того света.

Может, поэтому Юсуф настолько проникся моей историей и захотел помочь. Я даже не попытался отказаться. Выбора у меня особо не было, к тому же ярость и жажда мести затуманили мой разум. Я принял предложение, прекрасно понимая, что без посторонней помощи буду карабкаться наверх до самой старости.

Прошло всего семь лет, а у меня уже есть всё. Деньги. Связи. Имя. И два надёжных друга – Керем и Юсуф. Они не предадут, знаю. Я могу доверять им даже свою жизнь.

Легален ли мой бизнес? Всё в рамках закона, а они, бывает, гнутся и расширяются, если есть нужные связи.

Всегда ли я действую честно? Никогда больше не позволяю себе такой роскоши.

Измарал ли я руки в грязи? Да, и не только в ней.

Это я подослал к Воскресенскому тех, кто в итоге убедил его ступить на скользкую дорожку. Я сделал так, чтобы он прогорел. План требовал времени. И это лишь первая ступенька к уничтожению Григория. Я ждал долгих семь лет и подожду ещё. Всё будет сделано идеально. Никто меня не заподозрит. И я не успокоюсь, пока не увижу, как Григорий Воскресенский ползает у меня в ногах и молит о пощаде. Но и тогда вряд ли я обрету покой. Страдающей душе он неведом.

– Эмир, – окликает меня Алина, вырывая из пучины мыслей. – О чём ты хотел со мной поговорить?

Я и забыл про неё, настолько тихо она сидела. И вот что с ней делать? Опозорить прилюдно, разорвав помолвку и озвучив причину? Разумеется, я не опущусь до такого. Дети не должны расплачиваться за грехи родителей. Пусть Алина и дрянь, но она не монстр. Просто эгоистичная богатенькая сучка. Она восприимчива к чужому влиянию, значит, я могу использовать её в своих планах.

Только одного я пока до конца не понял: Воскресенский решил подложить её под меня, чтобы выбить к себе особое отношение, или решил с помощью Алины подобраться к моим делам? Он ведь уже проворачивал подобный фокус в прошлом. Вряд ли девчонка что-то смыслит в бизнесе или способна отключить видеокамеры и сигнализацию и вскрыть сейф. Она даже со стиральной машинкой не смогла совладать.

Перед глазами встаёт образ Алины, когда я застал её посреди разгромленной ванной, и уголки губ невольно ползут вверх. Но потом я вспоминаю её вчерашние слова, и меня словно ледяной водой окатывает, а ярость вновь ударяет в мозг.

Денег она хочет и ничего другого. Моих или чьих-то ещё – какая разница! Ей же плевать на чувства. Значит, ни моего уважения, ни моего внимания она не заслуживает. Ни капли. Ни черта, блять!

Так какого хрена до сих пор хочу её до умопомрачения? Ей ведь всего девятнадцать. Ни шарма, ни ума, ни опыта. Но кроет от неё так, что порой в глазах темнеет. Как представлю, что её будет трахать кто-то, кроме меня, так хочется всё вокруг разгромить.

Когда она в клуб потащилась, чтобы найти вариант на ночь, прибить её был готов. Сам не знаю почему. А если бы я не пошёл за ней, что тогда? Как вариант, нашли бы на утро где-нибудь на свалке. Повезло девчонке, что я слежу за ней с того дня, когда Воскресенский заикнулся о свадьбе. Нужно было подобраться к Алине, чтобы прощупать её отношения с отцом. Как оказалось, не такие уж они и радужные. Но это ещё не говорит о том, что она не сыграет против меня по просьбе папочки.

Сначала я думал отказаться от женитьбы, но, когда Воскресенский сказал, что в качестве свадебного подарка отдаст мне часть акций своей дочерней фирмы, я согласился. Наивный идиот обрадовался. Как можно быть таким

недальновидным?

Я уже владею его основной фирмой и скоро женюсь на дочери, а ведь это только начало. Алина – мой дополнительный козырь. Пусть Воскресенскому и наплевать на свою единственную дочь, зато его жене – нет. А она может влиять на мужа, это я сразу понял. Воскресенский будет умолять убить его, когда я с ним закончу.

Единственная проблема в Алине. Вроде и презираю её, но зацепила сучка. Красивая, как ни крути. Есть в ней что-то. Мозг вопит, что нужно послать её куда подальше, а вот мужская сущность клацает зубами и рычит «Моя!»

Смотрю на заплаканное лицо, искусанные губы и растрёпанные волосы, и меня опять накрывает. Нет, не отпущу я её никуда. По крайней мере, не сейчас. Поднимаюсь на ноги и цежу сквозь зубы:

– Бракосочетание состоится. Вставай и иди за мной.

Глава 3

Эмир

Вталкиваю её в комнату, завожу в ванную, говорю подойти к раковине. Когда Алина выполняет приказ, встаю за её спиной и чеканю:

– Смой с себя всю штукатурку, распусти волосы, расчеши их и подкрась ресницы. Этого будет достаточно.

Алина испепеляет меня глазами через отражение в зеркале и молчит. Бесит, не могу. Вроде и не перечит, но этот взгляд... В нём читаются протест и толика презрения. Смотрит она свысока, гордо вскинув голову. Королева, блять. Ну ничего, я поубавлю её спесь. Скоро станет шёлковая.

– Выполняй.

– Мне нужно будет сделать полноценный макияж, чтобы замаскировать все... – она осекается. – Следы.

– Не нужно. Пусть видят, чья ты.

– Эмир, я не могу показаться на людях в таком виде.

Подхожу к ней ближе и шиплю на ухо:

– С этой минуты ты будешь делать всё, что я говорю. Приступай. Или мне самому тебя умыть?

Злость ухает в висках с такой силой, что, кажется, ещё немного – и я придушу девчонку голыми руками. Не могу понять, что конкретно меня сейчас так бесит. Хотя нет. Могу. Я злюсь даже не на неё, а на себя, потому что снова ощущаю желание обладать ею. Долго. Жёстко. Во всех мыслимых и немыслимых позах.

– Не надо, я сама, – цедит она, берёт средство для умывания, открывает воду и склоняется над раковиной, упираясь при этом пятой точкой мне прямо в пах.

Дьявол! Она издевается?!

И ведь, по сути, мне нужно просто отступить на шаг, но я стою как приклеенный к полу и сжимаю зубы каждый раз, когда Алина наклоняется и выпрямляется. Член наливается кровью и каменеет. Я же только минут тридцать назад потрахался. Какого хрена происходит вообще? Эрекция настолько мощная, что напрочь отрубает мыслительный процесс. Невозможно контролировать похоть, рвущуюся наружу. Алкоголь плещется в крови, отрубая тормоза. Хотел просто расслабиться, но в итоге немного переборщил с ним.

– Тебе точно нравится именно так? – спрашивает Алина, закончив умываться и промокнув лицо полотенцем.

В её голосе сквозит сарказм. Гадина смотрит на меня через зеркало, всем своим видом показывая не смирение, а чёртову гордость.

– Ну что, – она усмехается, видя, как я пожираю взглядом её искусанные губы, покрасневшие глаза и засосы на шее. – Не передумал?

– Нет, – сиплю и прочищаю горло. – Так в самый раз.

Руки сами тянутся вверх, и я распускаю растрёпанную причёску, а затем зарываюсь пальцами в пряди и прочёсываю их, чувствуя, как Алина при этом напрягается.

Обожаю её волосы. Длинные, густые. На свету кажутся светлыми, а в полумраке – тёмными. И пахнут восхитительно. Обхватываю её за талию, прижимаю к себе вплотную, и Алина вздрагивает. Неужели боится? С чего бы это вдруг? Ничего плохого я ей не сделал. Пока ещё не сделал.

Наматываю её волосы на кулак, поворачиваю её голову, наклоняюсь и целую. Первые секунды она просто позволяет себя целовать, не отталкивая, но и не отвечая на поцелуй. А затем вступает в настоящую схватку с моими губами и языком. Следом мне в рот раздаётся тихий стон, и предохранители с грохотом выбивает.

Разворачиваю Алину и прижимаю к стене. Задираю её руки над головой, сжимаю хрупкие запястья и вновь впиваюсь в манящие пухлые губы. Трясёт так, будто у меня острая стадия лихорадки. Умом понимаю, что пора прекращать это безумие, однако оторваться от девчонки очень сложно.

Мне реально стоит невероятных усилий, чтобы разорвать поцелуй, отпустить её руки и отстраниться. Алина смотрит на меня поплывшим взглядом, дыша при этом тяжело и надрывно. Её грудь, приподнятая корсетом, призывно и часто вздымается.

Отворачиваюсь и произношу настолько отстранённо, насколько это вообще возможно при данных обстоятельствах:

– Лучше тебе и правда затонировать кожу, а то похожа на дешёвую шлюху. У тебя пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок. Выпрями волосы и никогда больше не завивай. Не люблю кудри.

Не дожидаясь ответа, быстро покидаю ванную комнату, а затем и спальню. Захожу в кабинет, приближаюсь к картине и пялюсь на голую сучку, сжимая кулаки.

Раскалённая похоть гонит кровь всё быстрее и быстрее. Алкогольное опьянение оборачивается против меня, подталкивая вернуться к девчонке, задрать юбку и трахать, вколачиваясь жёстко, выбивая из неё стоны, крики и слова о любви. Пусть лживые, пусть навеянные лишь вожделением. Пусть!

Мне плевать, любит она меня или нет. Я сделаю её своей, подчиню и буду иметь, когда хочу, как хочу и сколько хочу. Во всё щели. Много. Долго. По-всякому.

От развратных картинок, проносящихся в мыслях, я начисто теряю контроль. Нужно возвращаться в реальность. Но стоит открыть глаза, я вновь вижу её. Стоит у окна и смотрит на меня своими бездонными глазами, соблазняя совершенными формами.

Чёртова картина! Хотел изрезать и выбросить, но рука не поднялась, а надо было. Сколько часов я уже потратил, рассматривая изгибы её обнажённого тела? Много, дьявол меня дери, непростительно много! Эта тварь засела в голове и не выходит. Ну ничего, я её вытраплю. Всё приедается. Рано или поздно. И эта девчонка мне тоже надоест. Как и многие другие до неё. Ничего в ней особенного нет. Это просто физиология. Похоть, не более. Наиграюсь – и отпустит.

Ровно в назначенное время я захожу к ней в комнату. Алина уже ждёт меня. Все мои указания она выполнила в точности. Только вот во взгляде её сквозит не благодарность, а высокомерие и толика – самая чуточка – но всё же страха.

Очень хорошо. Пусть боится. Я давно понял, что, внушая людям страх, можно добиться очень многого. Гораздо больше можно получить, когда тебя именно боятся.

Плевать на её уважение и любовь. Не нужно мне от этой сучки ни того, ни другого. Со вчерашнего вечера я хочу видеть лишь её покорность. Алина Воскресенская опустится передо мной на колени и будет сосать с благодарностью и восхищением. Как самая настоящая шлюха, каковой она и является.

– Я готова, – тихо произносит Алина, и я киваю.

Подхожу ближе, подставляю ей руку.

– Думала, меня поведёт папа.

Ничего не отвечаю, просто веду её вниз. Туда, где все уже ждут счастливых жениха и невесту. Да начнётся шоу.

Я привык носить маски. Привык не показывать себя настоящего и разыгрывать партии, вводя в заблуждение всех вокруг. Дарить обворожительные улыбки, когда хочется либо выть от отчаяния, либо проломить череп тем, кому улыбаюсь. Делать лицо кирпичом, даже если на душе так паршиво, что сдохнуть охота, или, наоборот, радостно.

Только с ней я был искренним. Самим собой.

Однако Назар ей не нужен. Он, как она выразилась, нищеврод и недостойн её. А ведь он был вовсе не нищий. Я примерил на себя образ простого парня, со средним стабильным достатком. Я был собой прежним. Назар Лавров твёрдо стоял на ногах. Хоть он и не являлся миллионером, однако мог обеспечить свою женщину всем необходимым: хорошей едой, нормальной квартирой, одеждой и прочими мелочами. И он любил бы её. Искренне. Всем сердцем.

Но Алина променяла это на дворец, бриллианты, люксы и мужа-миллиардера, который должен был бросить к её ногам весь мир. Однако нельзя получить всё и сразу. Так бывает только в сказках. А сказки Эмира Догана – это кошмары для Воскресенских. Не мир упадёт к ногам Алины, а она будет ползать в моих. Очень скоро.

– Можете поцеловать невесту, – подытоживает наши согласия служащая ЗАГСа.

Вот и всё, Алина. Ты поставила подпись, надела кольцо, сделала выбор.

Разворачиваюсь к ней, осторожно притягиваю к себе, провожу костяшками по её щеке, и Алина опускает густые ресницы. Ей нравится этот жест нежности с моей стороны. Разумеется. Я ведь не какой-нибудь нищеврод, от которого стыдно

принимать ласку.

Обхватываю её голову ладонями и легонько касаюсь губ. Всё такие же вкусные и манящие. Но при этом – лживые и продажные. Алина накрывает мои ладони своими и распахивает огромные зелёные глаза.

Куда делся страх, девочка? Где твоё грёбаное высокомерие? И откуда взялась эта доверчивость?

Мне хочется проорать это вслух, но я лишь ласково улыбаюсь, делая вид, что простил её, и Алина улыбается в ответ.

Я целую её нежно, трепетно. Как в тот памятный вечер, когда нарисовал её, а она захотела остаться со мной. Со мной настоящим.

Целую и стираю из памяти этот эпизод нашей жизни. Вычёркиваю чёрными красками. Вытравливаю красными ослепляющими огнями. Они вспыхивают внутри меня. Отравляют и без того мёртвое сердце. И я даю себе слово, что больше не полюблю никогда. Не для меня это. Не про меня и не со мной. Некоторым просто не дано. Счастье – оно не для всех. Я возьму то, что хочу. Отомщу, восстановлю своё настоящее имя. Очищу его. Ради матери. Ради отца. Ради самого себя. И неважно, чего мне это будет стоить. Любовь может помешать моим планам. Как хорошо, что к Алине Воскресенской я испытываю лишь похоть.

Когда я отрываюсь от её губ, то замечаю в её глазах влажный блеск и толику надежды. Да, эта сучка и правда умирает последней.

– Объявляю вас мужем и женой!

Ну здравствуй, Алина Доган.

Под радостные выкрики толпы я веду новоиспечённую жену на середину зала. Свет приглушается, раздаются первые аккорды мелодии. Привлекаю Алину к себе, обнимаю за талию одной рукой, а другой сжимаю ладонь Алины и отвожу в сторону. Камень в кольце впивается в кожу, но это доставляет мне лишь наслаждение.

– Мне больно, Эмир, – шепчет Алина.

– Тебе больно? Поверь, ты не знаешь, что такое боль. Улыбайся, Алина Доган. Ты сорвала свой джек-пот.

Вижу, как тухнет её взгляд, как опускаются уголки губ, и сильнее сжимаю её руку.

– Я сказал: улыбайся. И постарайся не запутаться в платье.

Её щёки вспыхивают, а во взгляде появляется презрение. Выдохнув сквозь зубы, Алина всё же натягивает улыбку. Забавная девчонка, однако. Ну хоть скучно с ней не будет. Мне уже нравится семейная жизнь.

За первым танцем следует второй, потом третий. К нам присоединяются другие люди, а мы всё кружим, смотря друг другу в глаза. В этом немом диалоге так много смысла. Мы так близко физически, но так далеко по факту. Нас разделяет пропасть из лжи, предательства и мести.

Медленный ритм сменяется быстрым, и я утягиваю Алину к фуршетному столу. К нам сразу же подлетают фотографы, журналисты и просто желающие поздравить. Улыбаюсь гостям, принимаю поздравления, отвечаю на вопросы и держу Алину при себе. Не отпускаю ни на шаг, не позволяя ей отойти от меня и пообщаться с родителями. Не хватало ещё, чтобы мамаша снова промыла ей мозги, а папаня надавал указаний. Теперь Алина моя, и я решаю, с кем ей говорить, а кого не подпускать к ней даже на расстояние выстрела.

Спустя несколько часов улыбок, тостов, танцев и застолья, я объявляю, что гостям можно веселиться хоть до утра, подхватываю Алину на руки и несу в её спальню.

– Спасибо, – выдыхает она, когда я ставлю её на ноги.

– За что?

– За то, что донёс. Я очень устала.

– Сейчас отдохнёшь. До завтра.

– А ты разве не останешься?

Зелёные глаза округляются, а на лице отражается печать непонимания.

– Я тоже устал. И я привык спать один. С утра важное совещание, мне нужно выспаться, а ты будешь мешать.

Пару секунд наслаждаюсь произведённым эффектом своих слов, а затем покидаю спальню. Должно быть обидно, когда тебя поимели как шлюху, но как жену проигнорировали. Пусть привыкает. Штамп в паспорте для меня ничего не значит. Я готов был дать ей всё, но она сама сделала выбор кем стать для меня.

Глава 4

Алина

Несмотря на невероятную усталость, этой ночью уснуть у меня так и не получилось. Нет, я не плакала, не выла, не крушила всё в моей спальне, на это элементарно не осталось ни слёз, ни сил. Я просто ворочалась с одного бока на другой, не находя удобной позы, или подолгу всматривалась в лепной потолок, наивно надеясь, что На... то есть Эмир всё-таки придёт ночевать ко мне.

Но он не пришёл. Ни через час, ни через два, ни через три, ни под самое утро. А я всю ночь думала о нём, прислушивалась к тишине за дверью и из раза в раз прокручивала весь вчерашний вечер.

Свадьба – долгожданное событие для каждой девушки. И она обернулась для меня сущим кошмаром. Фарсом. Долбаным театром.

Я думала, выйти замуж по договору – самое страшное, что со мной может произойти. Но увы. Я ошибалась. Как же я ошибалась. Во всём. Выйти замуж за любимого человека, который в тебе полностью разочаровался и презирает – вот что ужасно. И теперь этот ужас будет сопровождать меня каждый день до конца

жизни. Или же до тех пор, пока Эмиру Догану не надоеет мной пользоваться.

А именно это он и будет делать. Вчера муж чётко дал мне это понять. Вопросов нет. Есть лишь горькое сожаление, боль, раздирающая всю грудную клетку, и добрая порция злости.

Я сожалею, что испугалась бедности и вместо любви выбрала беззаботное будущее. Мне больно, потому что теперь я знаю наверняка, что моего Назара и его чувств ко мне не существует. Они были всего лишь инструментами. С их помощью Эмир проверял меня. И я провалилась. По полной программе. Не сдала экзамен, о котором даже не догадывалась. Из-за чего, собственно, я и злюсь до неимоверности. Как на Эмира, так и на отца. Но на второго несоизмеримо сильнее.

Как он мог так со мной поступить? А как он мог так поступить с мамой? Он же нас обеих в свои грязные дела вмешал и при этом и словом не обмолвился. Я уже молчу обо всём, о чём он сговорился с Эмиром. До сих пор в уме не укладывается, что мой родной папа мог настолько меня подставить.

Интересно, а мама была в курсе их заговора с Эмиром? Она тоже меня обманывала всё это время, разыгрывая передо мной отменный спектакль? Если да, то я и её ни за что не прощу. Как не прощу папу и себя за свою беспросветную глупость.

Да! Я дура, каких ещё поискать. И лично об этом заявляю.

Я была ослеплена любовью и не замечала очевидных вещей. У меня даже подозрения не закралось, что Назар не такой уж простой бедный незнакомец, каким прикидывался.

Например, я напрочь забыла выяснить, откуда Назар узнал мой телефонный номер. Кроме папы, его никто не мог ему дать. Это же логично.

А его властные замашки? Я же с первой встречи оценила любовь Назара к приказам, от которых кровь стынет в жилах. Обычные механики или художники так не разговаривают. И не имеют столь бешеной энергетике и цепкого взгляда.

А поездка на частное озеро? Почему я так легко поверила, что на частную территорию можно попасть, не нарвавшись ни на одного охранника? Абсурд, да и только. Обычно такие владения охраняются по высшему разряду. Знаю не понаслышке. И это лишь сильнее доказывает, что я конкретная идиотка, которая не сумела сложить два и два.

Назар смог беспрепятственно привезти меня на ту поляну только по одной причине – она принадлежит ему. И озеро, по ходу, тоже.

Как только рассвело, я увидела его. Окна моей спальни выходят точно на наше озеро. Всё такое же изумрудное, кристально чистое и спокойное, но, к сожалению, больше не вызывающее и крупницы того восторга, что оно вызвало у меня несколько недель назад. Лишь очередную порцию тоски, сожаления и злости.

Встряхиваю головой, отгоняя прочь счастливые и одновременно горькие воспоминания о времени, проведённом с Назаром, и тру сонные глаза. Они болят. И наверняка покраснели и опухли. Но пытаться заснуть я больше не буду. Да и смысл? Уже утро. Пора привести себя в порядок и встретиться лицом к лицу со своим первым днём супружеской жизни.

Что меня ждёт? Не знаю. Вряд ли что-то хорошее. Но я всё равно против своей воли ощущаю волнительный трепет от скорой встречи с Эмиром. И это неслабо бесит. Не должна я этого ощущать. Не после того, как он долгое время обманывал меня, а теперь планирует обращаться как с вещью. Ещё и указы вздумал давать, как мне следует выглядеть.

Чёрта с два! Вчера я стерпела, но сегодня не стану. Никогда ни под кого не подстраивалась и под него не буду. Ведь Эмир тоже не святой ангелочек, которого я, стерва меркантильная, задела за живое. Он тоже виноват во многом. И не собираюсь я превращаться в бесхребетную рабыню, потакая ему во всём и всегда. Естественно, перебарщивать и злить мужа я побаиваюсь, но чуток показать свой протест мне ничто не помешает.

Больше часа провожу в ванной комнате. Принимаю контрастный душ, чтобы взбодриться. Питаю тело кремами, лицо освежаю тоником и подкрашиваю ресницы. Помню, что Эмиру не нравится обилие штукатурки. Я и сама не люблю злоупотреблять косметикой, поэтому в этом плане я с ним солидарна. Но вот

кудри... Не любит он их? Что ж... Прекрасно! Значит, накручу их пообъёмней. Так, чтобы он издали заметил мою шикарную укладку и понял, что беспрекословная покорность – это не про меня.

Оглядев результат своего преображения в зеркале, я даже немного приободряюсь. Волосы – огонь. Порозовевшее лицо тоже загляденье. А туфли на высоких каблуках и утончённое шёлковое платье, длиною ниже колен, с целомудренным декольте, придаёт моей статной осанке элегантности и добавляет мне несколько лет. В хорошем смысле. Сейчас я действительно похожа на молодую жену успешного бизнесмена, а не на холёную мажорку, вечно ругающуюся с отцом.

Дополняю сей женственный образ серьгами с брильянтами и маленьким кулоном, а затем воодушевлённая встречей с мужем покидаю комнату и спускаюсь вниз. Мне требуется минут десять, чтобы найти столовую в этом огромном доме, а когда наконец нахожу, моё настроение неминуемо падает.

Эмира здесь нет.

– Доброе утро, Алина Григорьевна. Завтрак уже на столе, но, если вы желаете что-то определённое, скажите, и я приготовлю, – учтиво произносит прислуга, но я игнорирую её слова. Аппетита и до этого особо не было, а сейчас он и вовсе пропал.

– Где Эмир?

– Вы с ним разминулись. Он уехал буквально пять минут назад.

– Куда?

– Простите, Алина Григорьевна, но он не отчитывается перед нами. Сказал лишь передать вам, чтобы к двенадцати вы были готовы. Водитель отвезёт вас в аэропорт.

– Что? В какой ещё аэропорт?! – непроизвольно повышаю голос.

– Простите, этого он тоже не сказал. Было приказано приготовить вам завтрак и сообщить, что сегодня вы улетаёте в Турцию.

– Как сегодня?! – вконец впадаю в шок.

Я, конечно, предполагала, что мы вскоре полетим к нему на родину, но не на следующий же день после свадьбы. Эмир, что ли, совсем обезумел? Ещё и к полудню сказал быть готовой? Так до двенадцати всего три часа осталось. Как же я успею за это время добраться до дома, уложить всю свою московскую жизнь в чемоданы, попрощаться со всеми друзьями и поговорить обо всём с мамой? Я обязана перед отъездом встретиться с ней, чтобы выяснить все волнующие меня вопросы вживую, а не по телефону. Однако мой муж явно считает иначе.

Перепуганная моим негодованием служанка также нервно блеет о том, что, оказывается, все мои вещи уже доставлены в частный джет Догана. Он сам прибудет туда аккуратно ко времени отлёта.

Стоит ли мне описывать степень своего возмущения? И оно лишь возрастает в стократ, когда я узнаю у служанки номер Эмира и звоню ему, а он не отвечает. Звоню маме, потом предателю папе, но ни одна, ни второй почему-то не снимают трубку. Домашний телефон тоже никто не поднимает.

Чёрт! Да что ж такое?! Я не могу улететь сегодня! Не так быстро! И без предупреждения. Я же не в отпуск на недельку еду, а переезжаю из родной страны в абсолютно чуждое мне место. С другой культурой, людьми и традициями. Там не будет моих друзей, подруг, мамы. Я там буду одна... с мужем. Или лучше сказать – с презирающим меня незнакомцем, который в очередной раз уткнул меня носом в то, что я для него пустое место. Эмир не собирается ни обсуждать со мной ни одно своё решение, ни спрашивать моего мнения на тот или иной счёт.

Со вчерашнего дня я для него никто.

Заслуживаю ли я подобное отношение? Возможно. Но я не собираюсь с ним так просто мириться. И я сегодня же дам Эмиру это понять!

Глава 5

Алина

Ненавижу ждать. Вот серьёзно. И Эмиру об этом прекрасно известно, но он будто назло заставляет меня как верную собаку томиться в ожидании его прихода.

Водитель и, по всей видимости, мой очередной охранник привёз меня в аэропорт ещё пятьдесят минут назад. И зачем, спрашивается? На черта я бессмысленно просидела в салоне самолёта так долго, если это время могла потратить на более важные дела? Какие? Не имеет значения. Я бы что-нибудь придумала. И это в любом случае было бы куда важнее и продуктивнее, чем тупое сидение в кресле в одиночестве.

Мои нервные клетки на исходе, а руки так и чешутся придушить Эмира в первую же секунду, как увижу. И, честно, ещё через десять минут ожидания мне правда кажется, что я сделаю это. Однако мой воинственный настрой как по щелчку пальцев растворяется, стоит моему мужу войти в салон джета.

– İnsanlara ikinci sans vermedigimi biliyorsun, – строго произносит Эмир, разговаривая по телефону, а у меня от его голоса внутри вновь разворачивается девятибалльный смерч.

Чёрт... Какой же он... Убийственно красивый в этом тёмно-синем костюме. Солидный. Мужественный. Сильный. И я говорю не только про физическую силу, но и про ментальную. Появление Эмира вмиг наполняет воздух напряжением, смешивая его с мускатными нотками мужского парфюма. Даже не глядя на меня, Эмир морально придавливает меня к креслу своей мощной аурой, покоряет плавностью своих движений. Глаз оторвать от него не могу, пока он уверенной походкой приближается и садится в кресло напротив.

Дышать становится труднее, сердце предательски срывается с цепи, а вся моя злость с негодованием обильно сдабриваются возбуждением. В то время как Эмир продолжает спокойно вести деловой разговор, полностью игнорируя моё присутствие. Меня будто нет для мужа.

Поджимаю губы от досады и устремляю взгляд в иллюминатор, заклиная себя не пролить перед ним ни одной чёртовой слезинки. Потом где-нибудь в одиночестве я поплачу, но сейчас не будет этого. Довольно! Мне лучше следует вспомнить, что именно меня выводило из себя ещё пять минут назад, и держаться за эти эмоции.

- Anladim. Iner inmez seni arayacagim.

С этими непонятными для меня словами Эмир заканчивает разговор и просит стюардессу передать пилоту, что можно взлетать. Та улыбается, кокетливо хлопая глазами, чем вымораживает меня до предела. Но ещё больше меня вымораживает Эмир, потому что он улыбается ей в ответ. Коротко. Всего на мгновенье. Но так ясно и очаровательно, как улыбался мне Назар ещё совсем недавно. А теперь... Теперь, кроме холодного взгляда чертовски сексуального чужака, я ничего не получаю.

Эмир наконец соизволяет посмотреть на меня. Сначала в глаза, затем медленно скользит по мне с головы до ног и обратно. Снова в глаза. Но на сей раз не просто обдаёт холодом, а будто покрывает мне всю кожу ледяной коркой, невербально давая понять, что он чем-то недоволен. Могу предположить, что моими шикарными локонами.

Уже со злорадством предвкушаю, как он сделает мне замечание и рассердится, однако меня ожидает облом. Причём конкретный.

К моему превеликому удивлению, никаких претензий мужа не следует. Ни одного слова не срывается с его уст. Он откидывается в кресле, пристёгивает ремень и всецело погружается в экран айфона, словно выстраивая между нами незримую, непробиваемую стену.

Я негодную и с трудом сдерживаю язык за зубами, пока мы в полном молчании взлетаем и набираем необходимую для полёта высоту. Но, как только гаснет значок «пристегните ремни», моё терпение кончается, а раздражение вываливается через край.

- Зачем нужно было заставлять меня так долго тебя ждать? - цежу я, повернув голову к Эмиру.

Он и бровью не ведёт. Весь его фокус направлен на смартфон.

- Ты меня слышишь, Эмир, или я со стеной разговариваю? – спустя минуту молчания высекаю я.

- Слышу.

Ох, надо же! Слышит всё-таки!

- Тогда, может, ответишь, почему я должна была целый час тебя ждать? Ты считаешь это нормально? И то, что ты не предупредил меня о том, что мы сегодня покидаем Россию, тоже нормально? Я даже с родителями не успела попрощаться. Про друзей вообще молчу. Тут вообще-то вся моя жизнь, Эмир, а ты вот так просто увозишь меня!

- Теперь вся твоя жизнь – это я, Алина. И советую тебе прямо сейчас уяснить это и смириться. Думаю, для тебя это не составит труда. Это же твой выбор, – ровно проговаривает он, оставаясь абсолютно спокойным, пока меня разрывает на части. Я едва держу себя в руках.

- Да, мой, но это не значит, что я не имела права нормально попрощаться со всем, что мне дорого здесь, – запальчиво выдаю я, и Эмир с шумом выдыхает, словно уже успел устать от нашего короткого диалога.

- Я вижу, тебе дико хочется поработать ртом. Так вперёд, – он откладывает телефон на соседнее кресло и бросает выразительный взгляд на меня. – Используй его по назначению, а не ради болтовни, которую я не желаю слышать.

В мгновение ока поняв, на что он намекает, я дар речи теряю. А когда Эмир выдаёт приказ: «Ко мне», который я уже слышала в ночь нашей первой встречи, я осознаю, что он ни черта не шутит. Он правда требует, чтобы я сделала ему минет. Здесь. В самолёте. Вот так. Посреди важного для меня разговора.

- Ты не слышала меня, Алина? – понизив голос, спрашивает он. В чёрных глазах загораются опасные блики и немое напоминание о том, что у меня нет варианта не повиноваться.

От Эмира зависит судьба моей семьи и моя тоже. Я должна делать всё, что он скажет.

– Я слышала, но я не собираюсь ничего делать на глазах у посторонних. Только через мой труп, – хотелось бы выдать это уверенно и твёрдо, но под гнётом пристального взгляда мужа голос сипнет.

– О каких посторонних ты говоришь? Здесь никого нет.

– А стюардесса? Вдруг она войдёт?

– Она не посмеет без моего разрешения сюда войти, так что прекращай болтать и берись за дело.

Мои щёки и шею обжигает огнём, в груди всё неумолимо сжимается, вытесняя из лёгких весь воздух. Так больно... До смерти больно слышать его равнодушный голос. И ещё ужасней чувствовать, как моя гордость втапывается в грязь.

Это же твой выбор.

В голове эхом раздаются слова Эмира, когда я заставляю себя встать с кресла, подойти к мужу и встать на колени между его широко раздвинутых ног. Эмир не предпринимает никаких действий. Просто, откинувшись в кресле, со снисхождением смотрит на меня сверху-вниз и ждёт, когда я всё сделаю сама. Как и полагается прилежной шлюхе.

Нечто гадкое взмывает в душе, когда я касаюсь пряжки ремня и трясущимися пальцами справляюсь с ней. Подумать только! Алина Воскресенская, а точнее, теперь уже Доган, девушка из высшего общества, одетая в платье от Chanel, калечит свои коленки о жёсткий пол, норовя доставить удовольствие ртом ненавидящему меня мужчине. Можно ли пасть ниже? Думаю, нет. Дно достигнуто.

– Лицо попроще сделай, – чеканит Эмир, точно гвозди в сердце всаживая. – И, будь добра, сбрось наконец свою никому ненужную корону и прекрати делать вид, будто я тебе противен. Мы оба знаем, что это не так.

Его самоуверенность злит до белых точек перед глазами, однако язык не поворачивается что-то вякнуть в ответ. Потому что он прав, чёрт побери. Мне мерзко это признавать, но Эмир прав. Несмотря на все обстоятельства, мои чувства к Эмиру нисколько не изменились, а тело по-прежнему остро реагирует на его близость. Если не ещё острее.

Я чувствую, как увлажняюсь, а рот наполняется слюной, стоит мне освободить каменный член из боксёров и обхватить его ладонью. Боже! Какой он твёрдый. Неужели хоть физическую реакцию я у Эмира всё же вызываю? Причём настолько сильную? Я ещё ничего не сделала, а его член уже словно выкован из стали, а на кончике пухлой покрасневшей головки блестит капля смазки. С ума сойти можно!

Непроизвольно облизываю пересохшие губы и поднимаю взгляд на Эмира. Он молчит. Черты лица заострились, челюсть плотно сжата, а в глазах... ох, не верю... в них бушует та же не поддающаяся никаким объяснениям похоть, от которой сводит мне весь низ живота.

И это всё меняет. Во мне. Внутри будто костёр возгорается, вселяя и согревая капельку надежды на то, что своей лаской и страстью мне всё-таки удастся вернуть благосклонность Эмира. Ведь, в конце-то концов, он просто мужчина. И ни для кого не секрет, через какое место у многих из них лежит путь к сердцу.

Усиляю хватку на члене, провожу верх-вниз по всей длине и, не разрывая с мужем зрительного контакта, слизываю с головки солоноватый вкус его исступления. Эмир шумно выдыхает, а я едва не мычу от удовольствия. Ведь, каким бы чужим и бесчувственным мне Эмир ни казался, на ощупь, вкус и запах он всё тот же Назар. Обалденный. Родной. Желанный. Мой.

Вдыхаю запах любимого мужчины, и чувства к нему мощным фонтаном выбираются наружу. Я словно перемещаюсь в увешанную его картинами спальню, где я неоднократно делала Назару минет. Вбирала в себя его член до самого горла и слушала, как Назар стонет, тяжело дышит и шёпотом даёт наставления, как доставить ему максимальное наслаждение.

И я всё помню. Каждое его слово. Каждое предпочтение. Каждую особо чувствительную точку, от прикосновения к которой Назар всегда покрывался мурашками, а его стоны становились несдержанными и громкими. И я пользуюсь

сейчас этими знаниями, чтобы сделать Назару приятно. Да, именно моему Назару, а не равнодушному бизнесмену, для которого я ничего не значу. Тому, кого унизила и незаслуженно оскорбила. Тому, кого люблю всем сердцем. Тому, кого, по сути, не существует и никогда не существовало.

Задевая языком взбухшие венки, я сосу и лижу член. Стараюсь расслабить горло и активно двигаю головой, мягко массируя яйца ладонью. Пять минут, десять, пятнадцать? Не знаю. Но от усердий щеки сильно начинают болеть, а к глазам подступают слёзы. Но всё это мелочи на фоне неадекватной пульсации в самой сокровенной точке между бёдер. И она с каждой секундой становится всё невыносимей, потому что слышу, вижу и чувствую каждой клеточкой тела столь желанную реакцию мужа на мои искренние старания.

- Сука, - вдруг на выдохе произносит Эмир. - Сюда иди.

Я даже понять ничего не успеваю, как он хватает меня за волосы и тянет на себя, вынуждая охнуть. А потом ещё раз - судорожно, сладко, с предвкушением, когда усаживает меня на себя сверху. Ловко забирается рукой под платье, отодвигает трусики и нанизывает меня на свой член без каких-либо прелюдий. Да они, собственно, ни к чему. Совершенно.

- Ты только посмотри, как ты завелась, Алина, - с хриплым стоном выдаёт Эмир, замирая внутри меня. А я замираю вслед за ним, упиваясь сладостным чувством наполненности и неотрывно глядя в мутные глаза мужа. - Так намокнуть от минета мужчине, который стал противен, не каждая профессионалка смогла бы. Теперь понимаю, почему твой отец так рьяно мне тебя предлагал. Знал, что дочурка сможет меня как следует ублажить, ещё и сама кайф от этого получит, - ухмыльнувшись, безжалостно бьёт словами он, норовя вырвать меня из моего воображаемого рая с Назаром, но я не могу это допустить. Ни в коем случае. Иначе разревусь и впаду в истерику, сидя прямо на Эмире.

- Замолчи... Замолчи... - бессвязно шепчу, обняв его за шею, и начинаю плавно двигаться вверх и вниз. - Замолчи и поцелуй меня.

- Ты что-то попутала, Алина. Здесь я отдаю приказы.

- Поцелуй.

Я сама зарываюсь в его волосы и накрываю жёсткие губы, которые всегда так страстно меня целовали. Мне это нужно. Крайне необходимо. Сейчас. Но Эмир не отвечает. Однако я не сдаюсь. Поднимаюсь и опускаюсь, ощущая каждый сантиметр его твёрдой плоти. С каждой секундой всё больше увеличиваю темп скачков, чувствуя нашу общую дрожь и волны удовольствия. Жмусь губами к его губам, всем сердцем надеюсь, что вот-вот – и мой Назар с жадностью накинется на мой рот, но увы... даже когда мы оба покрываемся испариной, рвано стонем и задыхаемся от похоти, мой поцелуй остаётся без ответа.

Нет никакого Назара.

Смирись, Алина.

Есть только Эмир, которому вскоре надоедают мои попытки внести в наш секс романтику. С недовольным рыком он за волосы оттягивает мою голову от себя. Рывком раскрывает полы моего платья, с корнями отрывая несколько пуговиц, и спускает шелковую ткань с моих плеч вместе с бретелями бра, оголяя грудь. И всё это он делает с такой яростью в глазах, что, кажется, в любой момент готов переломить меня на части.

– Эмир, я...

– Заткнись и двигайся, – перебивает он сдавленным голосом и сильно сминает ладонями мою грудь, прыгающую возле его носа. Он любуется ею, массирует, сжимает соски. До боли – столь ноющей в сердце и невыносимо сладкой в теле.

Можете назвать меня похотливым животным, но я никак не могу взять под контроль физику. Несмотря на его обидные слова и холодность, я слишком сильно реагирую на каждое действие Эмира, на его член, с влажными звуками проникающий в меня до упора, на частое дыхание, что касается моего лица, опалая. И на его чёрный взгляд. Злой и порочный. Столь любимый и в то же время непостижимо далёкий. Смотрю в него пристально, не отрываясь ни на секунду, и совсем скоро вижу там взрыв. Такой же мощный и оглушительный, какой взрывается в моём женском центре.

Мы вместе взлетаем. Одновременно. Я сильнее хватаюсь руками за плечи Эмира, боясь, что от столь улётного оргазма воспарю ввысь. И он тоже будто боится этого, раз так внезапно и крепко охватывает меня руками. Прикрывает веки и

хрипло стонет, пульсируя и изливаясь во мне, пока я содрогаюсь в его объятиях и кричу, наплевав на вероятность быть услышанной не только стюардессой, но и пилотами.

Плевать. На всех и вся плевать. Мне сейчас так хорошо в руках Эмира, что ничто не способно меня напрячь. Особенно, когда я обмякаю на нём и устало укладываю голову на его плечо, а Эмир нежно проводит пальцами по моему позвоночнику. От шеи до поясницы и снова вверх. Медленно. Едва ощутимо. В точности, как делал это каждый раз после секса в своей псевдо-квартире бедняка. Там он мог часами меня так бережно гладить, разговаривая со мной обо всём на свете. А здесь его нежность не длится и минуты.

- Вставай, Алина. До вечера свободна.

Вот так всего несколькими словами Эмир прибавляет меня кошмарной реальностью, а затем, не дождавшись, когда я проглочу слезливый ком и встану на ноги, сам снимает меня со своих бёдер и начинает приводить себя в порядок. Правда, ему это сделать ничего не стоит. Всего-то протереть салфеткой член и застегнуть брюки. А вот со мной дела плохи. Очень плохи. Как морально, так и внешне.

Все отголоски оргазма быстро проходят, оставляя после себя лишь душевный раздрай, порванное платье и сперму, стекающую по внутренней стороне бёдер.

- Ты опять в меня кончил, Эмир. Неужели нельзя было выйти из меня вовремя? Я не хочу забеременеть, - придя в себя, бурчу я и возвращаю бюстгальтер на место.

- Твои желания меня не волнуют.

- А меня волнуют! Впредь не смей кончать в меня. Я не готова рожать так рано.

- Во-первых, не забывайся и контролируй тон, - помрачнев, чеканит он. - Во-вторых, впредь только в тебя я и буду кончать. А в-третьих, если захочу, чтобы ты родила - родишь без возражений.

– А ты захочешь? – выдыхаю то ли с ужасом, то ли с надеждой. Нет, всё-таки с ужасом. Паническим. Пролетающим холодом по коже. А Эмир не спешит меня успокоить, игнорируя мой вопрос.

– Твои чемоданы в той спальне, – он указывает за мою спину. – Также там есть и уборная с душевой. Переоденься и приведи себя в надлежащий вид.

– Здесь есть спальня, и ты не сказал об этом, заставив меня делать тебе минет прямо в кресле?

– Что-то я не помню, чтобы заставлял тебя хоть что-то делать. И вообще вычеркни это слово из своего лексикона. Ты моя жена, и теперь это твоя прямая обязанность – слушаться меня во всём и делать всё, что я пожелаю. В любом месте. И в любое время.

– А ещё рожать по твоему указу и выглядеть так, как тебе нравится? – шиплю я, с остервенением сжимая кулаки.

– Всё правильно, Алина. Умница. Схватываешь на лету. И потому, если ты ещё хоть раз ослушаешься даже в такой мелочи, как твоя причёска, ты об этом пожалеешь, – произносит Эмир со слабой улыбкой на губах, но столь угрожающим тоном, что моё желание хоть когда-нибудь ещё раз нарочно позлить его напрочь исчезает.

Прикусив губу, я разворачиваюсь и на негнущихся ногах добираюсь до спальни. Закрываю дверь и лишь тогда позволяю себе сорваться на рыдания. Сдавленные, тихие, чтобы Эмир, не дай бог, их не расслышал, но такие горькие, что у меня с трудом получается дышать.

Что же я наделала? Как моя жизнь докатилась до такого? И самое главное – как мне со всем этим справиться?

Не знаю, как долго я задаюсь этими вопросами и плачу. И не знаю, где нахожу силы прекратить поток слёз. Но я как-то делаю это.

Стерев влагу с глаз, я замечаю несколько огромных чемоданов со своими вещами, а затем осматриваю шикарный интерьер спальни в неподражаемом

стиле ампир. Изысканном и утончённом. Роскошном и в то же время строгом. Массивная мебель, золотые узоры на обоях, благородное сочетание натуральных бежевых цветов. Каждая деталь здесь продумана, грамотно вмонтирована в сюжетную линию и демонстрирует могущество, значимость и статус хозяина спальни.

Да уж... Если даже комната в джете настолько кричит о достатке моего мужа, то что за королевские хоромы ждут меня в Турции? Хотя... Разве теперь это имеет значение?

Горько вздыхаю и перевожу усталый взгляд на своё отражение в зеркале.

Волосы растрёпаны, лицо красное, глаза опухшие, ноги испачканы спермой, прежде шикарное платье помято и порвано, а сердце разорвано в клочья.

Это твой выбор, Алина.

И ты сделала его.

Теперь пожинай плоды и радуйся своей беззаботной богатой жизни.

Глава 6

Эмир

– Здесь всё, – Юсуф кладёт на стол папку и жёсткий диск, затем откидывается в кресле.

Мы сидим в его кабинете. Юсуф владеет стриптиз-клубом. Отличное прикрытие для наших встреч, надо сказать.

– Спасибо, Юсуф.

– Поблагодаришь по итогу. Можно закрывать хоть завтра. Чакир возвращается вечером. Его могут принять сразу с трапа самолёта, только скажи – организую.

– Рано. Чакир не отделается просто тюремным сроком. Сначала я заберу у него всё, как забрал у Явуза, а потом бывшие сообщники воссоединятся. Кстати, как там Явуз? Не скучно ему в тюрьме?

– Мои ребята хорошо с ним обращаются. Развлекают каждый день.

– Полезно иметь своих за решёткой.

– Подкол засчитан, – Юсуф в очередной раз разливает виски по роксам, один протягивает мне. – Попались ведь по глупости.

– Мог же вытянуть.

– Мой договор с прокурором всё же имеет рамки. Парни нарушили условия, так что пусть отвечают за свои действия. Я им не мамка.

– И то верно.

– Как твоя жена? Счастлив в браке с Алиной? – меняет тему Юсуф, сдерживая улыбку. – Русские девушки красивые, – произносит он на русском, но с сильным акцентом. – От них голова едет, ой, как едет.

Юсуф цокает и делает глоток виски. Видимо, вспоминает свою последнюю русскую любовницу, которая и обучила его языку. Их отношения были самыми долгими на моей памяти. Юсуф любит женщин. Всех без исключения. Он боготворит их, а они – его. Но никто не задерживается рядом с ним надолго. Юсуфу нравится разнообразие.

– Воскресенская – мой дополнительный козырь, не более.

– И заодно новая секс-игрушка. Или скажешь, что не трахаешь её?

Затягиваюсь сигарой и выпускаю дым в потолок. На самом деле, я редко позволяю себе подымить и выпить, но сейчас как раз тот случай. Ребята Юсуфа

наконец-то собрали достаточно компромата на Чакира, чтобы упечь его в тюрьму, так что я праздную.

– А кто мне запрещает совмещать приятное с полезным?

– Действительно, – Юсуф усмехается. – Но ты ж весь месяц работаешь как чёрт, домой только ночевать приходишь. Готов поспорить, Алина видит тебя меньше, чем твои подчинённые. Не скучно ей? И чем занимается твоя благоверная в твоё отсутствие?

– Турецкий учит, – отвечаю уклончиво, опуская подробности досуга Алины.

Насколько мне известно, а мне о ней известно всё, Алина, кроме занятий с преподавателем, ходит по магазинам, осматривает город, посещает фитнес-центр и салоны красоты. Разумеется, всё это она делает под пристальным надзором охраны.

Ещё Алина пару раз наведывалась к гинекологу. Мне нужно было убедиться, что она не залетела. Дети от такой суки мне не нужны. Но и трахать её я хочу исключительно без презерватива. Теперь она пьёт таблетки, так что с этим пунктом всё в порядке.

– Правильно. Жена должна понимать мужа, даже если брак фиктивный. Кстати, я тут новых девочек на работу взял. Зацени.

Юсуф достаёт телефон и отдаёт указания привести сюда танцовщиц.

Вот только этого не хватало. Я хотел посидеть в тишине и расслабиться, а не пялиться на голые сиськи. В последнее время мне вполне хватает Алининых. Грудь у неё что надо. Как раз под мои ладони.

От образа обнажённого тела Алины, возникшего в голове, мной, как обычно, завладевают злость и похоть.

Этот месяц прошёл как день сурка. Днём и вечером я работал, а ночью трахал свою жену. Каждую ночь по несколько раз. И вот что странно: чем больше проходит времени, тем сильнее становится одержимость этой девчонкой. Всё

должно бы быть наоборот, но нет. Она до сих пор вызывает во мне слишком сильные эмоции.

– Ну, как тебе? – спрашивает Юсуф, указывая в сторону пяти вошедших красавиц. – Шикарны? Сам лично отбирал.

Шикарны – мягко сказано. Все как на подбор достойны работать здесь. Клуб Юсуфа славится лучшими танцовщицами, морем элитного алкоголя и приватной атмосферой. Кто сюда только ни ходит. Какие только фантазии здесь ни реализуются. Никто не боится быть собой в этом месте похоти и разврата, оставаясь при этом инкогнито. А всё потому, что просто так сюда не попасть. Только по рекомендации. Это своеобразный клуб для своих. Место, где любой может спустить себя с поводка и не бояться, что поползут слухи. Хотя стоит отметить, что у Юсуфа скопилась отменная подборка компромата. Воспользуется ли он ею? Кто знает.

– Девочки, поприветствуйте моего дорогого друга. Про меня тоже не забудьте, но он в приоритете.

После этих слов две девушки направляются к Юсуфу, а три подходят ко мне. На них лишь миниатюрные стринги. Девушки улыбаются, облепляют меня со всех сторон и спрашивают, что и как именно я люблю. Мне лень им отвечать, алкогольный дурман слишком сильный. Лапаю их за все места, пытаюсь отвлечься, но всё равно думаю о ней. Вытравил, блять. Ведьма Алина, кажется, и правда меня приворожила.

– Расслабься, – шепчет мне в ухо блондинка. – Я помогу.

Она поворачивается, садится ко мне на колени, трётся шикарным задом о мой пах, отвешивает комплименты и не скупится на пошлости. Мну её сиськи, запрокидываю голову и прикрываю глаза. Член готов прорвать брючную ткань, однако я и близко не испытываю того болезненного кайфа, который накрывает меня при любом физическом контакте с Алиной. И это бесит.

Блондинка соскальзывает с моих колен вниз, расстёгивает ремень, а чьи-то руки стягивают с меня рубашку. Девушки ласкают меня руками и губами, а я позволяю. Но, когда чувствую горячие губы на головке члена и слышу фальшивый стон, словно трезвею.

Это не то, чего я хочу.

– Хватит, – цежу сквозь зубы и открываю глаза. – Я сказал: хватит! – рявкаю громче, и девушки сразу же оставляют меня в покое.

– В чём дело? – доносится недовольный голос Юсуфа.

Застёгиваю брюки и прошу его выгнать их всех.

– Что не так? – спрашивает Юсуф, когда они уходят.

– Я пришёл поговорить о делах, а не совокупляться со шлюхами.

– Ого, как мы заговорили, – он присвистывает. – Когда это шлюхи тебе мешали? Или всё дело в твоей жёнушке?

– Она тут ни при чём. Мы с тобой не закончили. Мне нужно, чтобы твои люди опустошили счета Чакира. Но только так, чтобы он ни о чём не заподозрил.

– Тебе это встанет недёшево.

– Срать на деньги. Можешь забрать всё, что вытянете оттуда. Опустоши всё подчистую. Счета фирмы, личные счета и счета всех его родственников. Вообще всё. Понял меня?

Юсуф усмехается, опрокидывает в себя содержимое рокса и опять разваливается в кресле. Улыбка на его губах дорогого стоит. Любого другого за подобный тон и слова Юсуф бы убил без раздумий. А мне – можно. Потому что друг. Потому что надёжный партнёр. Я отстёгиваю Юсуфу нехилый процент за то, что помог мне быстро встать на ноги и до сих пор помогает разгрести дерьмо моего прошлого.

Но я не остаюсь в долгу. Марал и продолжаю марать руки в грязи ради Юсуфа, если он просит. Делал и делаю такое, что большинство людей никогда бы не стали делать. Я своим потом и кровью давно заслужил особое отношение. В своё время мы помогли друг другу. Я взрастил успешный бизнес, а Юсуф вернул себе

авторитет и держит в кошмаре весь город. Мы сделали это, стоя плечом к плечу. Круша всё и всех, кто мешал нам.

Сейчас мы общаемся на равных, и Юсуф улыбается мне вместо того, чтобы поставить на место или пустить пулю в лоб. Он может, я знаю. Но я его не боюсь. Он мой названный старший брат. Я потерял родителей, но обрёл верных друзей – Керема и Юсуфа. Они – всё, что у меня есть. Но даже этого мало, чтобы искоренить тьму, которая живёт во мне и разрастается с каждым днём.

– Понял, – Юсуф кивает. – Но тебе не кажется, что это слишком? Его родные же ни при делах. Ты знаешь наши законы. Мы не трогаем мирных. Не вредим тем, кто не замешан.

– Мне насрать. Я хочу, чтобы ты пустил их по миру. Развеял как прах. Ясно?

Юсуф вздыхает и отводит взгляд, а спустя несколько минут тихо произносит:

– Жажда мести разрушает, Назар.

– Не называй меня так. Это не моё имя.

– Когда-то было твоим. Ты должен найти что-то, что позволит тебе двигаться дальше. Иначе ты сам себя погубишь.

Залпом осушаю рокс, поднимаюсь на ноги и надеваю рубашку. Пора сваливать отсюда. Не хочу я слушать его нравоучения. Юсуф на пару с Керемом не оставляют попыток вернуть меня на путь истинный. Ничего у них не выйдет. Я выбрал свою дорогу. Да и где он, этот истинный путь? Разве кто-то знает?

– Найду. Спасибо, Юсуф. Держи в курсе. Я поеду. Увидимся завтра вечером.

– Передавай привет жене.

– Передам, не волнуйся, – усмехаюсь и покидаю кабинет.

Глава 7

Эмир

Дорога до особняка не занимает много времени. Ночью нет пробок, и уже через полчаса я вваливаюсь в спальню к Алине. Разумеется, она спит. Но мне плевать.

Стягиваю обувь и одежду, откидываю одеяло, ложусь на кровать и придвигаюсь к Алине. Она лежит на боку, так что я пристраиваюсь сзади, зарываюсь лицом в её волосы и провожу рукой по совершенному телу. Очерчиваю ключицы, обвожу пальцем сосок, мну грудь, затем скольжу ладонью вниз. Я приказал Алине всегда спать обнажённой. Неважно, в одной кровати я провожу с ней ночь или нет.

Лихорадить начинает сразу, как только ощущаю под пальцами половые губы. Развожу их, слегка проникаю внутрь, стискиваю зубы и зажимаю клитор между пальцами. Алина поворачивает голову в мою сторону, а я подавляю стон возбуждения, продолжая играть с чувствительным бугорком.

– Эмир, который час? – сонно бормочет она. – Я ждала тебя к одиннадцати.

– Не знаю точно. Около двух.

– Ты что, пьян?

Ничего не отвечаю, просто толкаюсь эрекцией между ягодиц. Стон всё же прорывается сквозь губы, стоит коснуться членом шикарной задницы. Эту дырочку я пока не поимел, но обязательно сделаю это. Уж больно нравится мне жопа моей жёнушки.

– Эмир, где ты был? – повышает голос Алина, вырывается из моих рук, переворачивается и приподнимается на локтях. – И не ври, что работал. От тебя несёт алкоголем, сигарами и женскими духами.

– И что?

- Ты... ты... - она пытается подобрать слово, прожигая меня гневным взглядом.

- Поумерь своё возмущение и садись на меня сверху. Я устал. Сделаешь всё сама.

- Устал?! Может, нужно поменьше шлаться не пойми где?

- Я сказал: сбавь тон.

- Тон сбавить? - она прищуривается. - Да от тебя же разит за километр. Я ждала тебя, а ты даже трубку не соизволил взять. А теперь заявляешься посреди ночи пьяный и пропахший чужим парфюмом и думаешь, что я буду рада раздвинуть ноги. Откуда я знаю, куда ты пихал свой член ещё час назад? Ты посадил меня на таблетки, и я даже слова против не сказала. Но я не собираюсь спать с тобой без презерватива, если ты мне изменяешь. И с презервативом тоже. Иди к своим шлюхам.

- Ты и есть моя шлюха, - цежу, уже не сдерживая злость. - Единственная шлюха в моём окружении.

Опрокидываю её на спину, наваливаюсь сверху, сходу перехватывая её руки и прижимая их к кровати, чтобы не вырвалась и не начала меня лупасить. От неё всего можно ожидать. Характер у моей сучки не сахарный. Слишком своенравная и мнит о себе много. Как по мне - неоправданно много для обычной подстилки, которая продалась мне ради денег и сохранения статуса.

- Пусти!

Алина дёргается подо мной, извивается всем телом, поливает меня новой порцией яда, но я не слышу её. Раздвигаю коленом её ноги и вновь опускаюсь на неё. Член упирается в мягкую промежность. Там пока сухо, но это ненадолго. Сучка реагирует на меня ничуть не меньше, чем я на неё. Двигаю бёдрами, ритмично задевая клитор и половые губы, и речь Алины сбивается, а дыхание становится рваным.

- Ты животное, - шипит она. - Похотливая скотина.

- А ты ревнуешь, признайся.

- И не мечтай.

- Тогда чего так взбесилась? Даже если я кого-то и трахаю, тебя это волновать не должно. Но чтоб ты успокоилась и впредь не закатывала мне истерик, знай: без защиты я сплю только с тобой.

Её взгляд дорогого стоит. Если бы глазами можно было убивать, от меня бы осталась только кучка пепла.

- Пусти меня, Эмир, - чеканит она, но я закрываю ей рот поцелуем.

Сколько раз я зарекался целовать эти лживые губы? И в трезвом состоянии мне всегда удаётся сдерживаться, но под влиянием алкоголя принципы в отношении Алины летят нахер. Хочу её всю. Целовать. Трахать. Ласкать. Подчинить. Заклеить своими прикосновениями. Пропитать своим запахом. Оставить кучу отметин. Чтобы знала, что моя. Чтобы понимала, кому принадлежит. Чтобы прекратила перечить и стала наконец послушной. Да, она делает всё, что я говорю. Но как меня бесит её чёртова гордость. Этот грёбанный протест - словно вызов, который она бросает мне раз за разом.

Хочу ли я её сломать? Сам не знаю. Мне не нужна бесхребетная кукла, но и зазнавшейся сучке рядом со мной не место.

- Хватит, - шепчет она, когда я на секунду отрываюсь от её губ.

Понимаю, что Алина правда сильно расстроена.

Она не всхлипывает, не скулит, не показывает, что обижена до глубины души, однако в её глазах блестят непролитые слёзы и немой упрёк. Ей неприятно от осознания того, что у меня могут быть другие женщины. Но ведь ей плевать на чувства. Сама говорила. Так в чём дело? Эго настолько задето или...

Нет. Нет никакого «или». Однако я и правда слегка перегнул. Зачем врать и расстраивать её понапрасну? Я же хочу потрахаться. А в таком состоянии Алина мне точно не даст. Брать силой и обламывать себе кайф я не хочу, поэтому

придётся сказать правду.

– Я не сплю ни с кем, кроме тебя.

– И я должна тебе так просто поверить?

– Верить или не верить – дело твоё. Ничего доказывать я тебе не собираюсь.

Она поджимает губы, несколько секунд раздумывая о чём-то своём, а затем вполголоса спрашивает:

– Где ты был?

– У друга в стрип-клубе. Встреча затянулась. Потом Юсуф попросил меня оценить его новых танцовщиц.

– Оценил?

– Если бы я оценивал, то меня не было бы всю ночь. Но, как видишь, я здесь. С тобой. И впредь я хочу, чтобы ты не задавала вопросов, а принимала меня в любое время и любым. Ты сама на это подписалась, Алина. У нас честная сделка. Я покрыл долги твоей семьи. Я не опозорил тебя, не рассказал всем правду о девочке Кате, которая отдалась первому встречному, не отменил свадьбу. За это я хочу, чтобы ты раздвигала ноги, когда мне это нужно. Если будешь отказывать мне в близости, я легко могу найти кого-то на стороне. Но тогда зачем ты мне нужна? Хочешь развестись со мной и вернуться домой? Хорошо. Завтра же оформим развод. Так и вижу заголовки в газетах. Не люблю прессу, стервятники мусолить эту тему будут долго. Но если ты готова разорвать нашу сделку, то с утра я позвоню своему юристу. Бумаги подготовят быстро. Терпеть истерики и капризы я не стану. Твой отец останется на должности директора, развод не повлияет на это. Григорий мне пока нужен. К тому же у него осталась дочерняя фирма, так что, даже если я его уволю, голодать вы не будете. Доброй ночи.

Порываюсь встать, но Алина вцепляется в мои плечи.

– Стой! Не надо звонить юристу. Я погорячилась, прости. Мне стало неприятно, вот я и психанула. Такого больше не повторится.

Она не извиняется, не оправдывается. Выжимает из себя слова, которые никогда бы не произнесла, если бы не тряслась за свою жопу. Я не просто так упомянул о шатком положении её отца. Меркантильная сучка снова выбрала деньги. Даже гордость свою запихнула куда подальше и подтёрлась самоуважением. Это вызывает ярость. Лютую и всепоглощающую. Она втекает в мозг и берёт под контроль моё тело.

Скатываюсь с Алины, рывком тяну её на середину кровати и переворачиваю.

– Встала на четвереньки!

Послушно выполняет, чем злит ещё больше. Уж лучше бы она продолжала высказать мне претензии. Но нет. Алина смиренно подставляет зад, больше не произнося ни слова.

Замахиваюсь и шлёпаю по правой ягодице. Сучка вздрагивает, но молчит. Ещё удар – и её кожа вспыхивает под моими пальцами. Третий шлепок приходится по левой ягодице. Четвёртый наконец выбивает из сучки глухой всхлип. Её задница полыхает огнём, как и мои ладони, но я не останавливаюсь. Её молчание и покорность злят похлеще, чем претензии. И всё потому, что она заткнулась именно после того, как я пригрозил разводом.

– Не нравлюсь таким, да? А раньше нравился? Что тебе нравилось в нём, Катюш? Чем Назар так привлёк тебя? Ты же терпеть не можешь нищих. Но сосала ему и трахалась с ним как в последний раз. А во мне что тебе не нравится? У меня ведь много денег, а их ты любишь. Так трахайся со мной и соси как любящая жена, чёрт тебя дери! В любое время, в любом месте. Когда я скажу, блять!

В ответ лишь тишина, и меня кроет всё больше. Я уже не просто шлёпаю, а луплю что есть силы. Не знаю, каким чудом мне удаётся всё же взять себя в руки и остановиться.

Хватаю её за волосы и дёргаю к паху. Алина неуклюже разворачивается и, не произнеся ни слова, берёт у меня в рот. Она сосёт так, как нравится мне. Так, как я её научил. Нет, не я. А он. Тот, которого она полюбила, а затем отшила, потому что Назар был для неё недостаточно хорош. Но сейчас она проделывает всё в точности так, как я объяснял ей. Сучка подлизывается ко мне. Это ещё больше бесит. Однако она не знает, как мне на самом деле нравится. Но я

покажу ей.

Вжимаю её голову в пах, фиксируя за волосы таким образом, чтобы не смогла отодвинуться, и начинаю вбиваться в глотку. Злость смешивается с адской похотью. Не сдерживаю ни стонов, ни хрипов, ни движений. Вдалбливаю в тесное влажное пространство, чувствуя, как головка проникает до упора.

Мне плевать на то, какие Алина издаёт звуки. Плевать на то, что она задыхается. Плевать, что лупит меня по рукам и ногам. Плевать на слёзы, которые льются по её лицу. Да, я вижу, как они блестят в полумраке, но зверь внутри меня лишь скалится. И только когда Алина со всей дури вцепляется ногтями мне в бёдра, я прихожу в себя.

Толкаю её на кровать и тяну за лодыжки, не давая ей опомниться.

- Эмир, нет! - взвизгивает она и тут же заходится кашлем, хватаясь за горло.

- Нет? Рискни отказать мне сейчас. Давай.

Алина хватается за воздух ртом, смотрит на меня со смесью ужаса и отвращения, но даже это меня не останавливает. Хрен знает, какой бес в меня вселился. Хочется трахать её так, чтоб просила пощады. Искусать и заклеить, чтоб смотрела в зеркало и видела отметины. Чтоб поняла наконец, что она здесь никто.

- Не слышу.

Она убирает руки от шеи и смиренно откидывает голову на подушки. Бревном решила полежать? Не выйдет!

С размаху ударяю промеж её ног. Ещё раз, потом ещё. А затем обильно смачиваю пальцы слюной и натираю клитор. То, что мои действия нравятся Алине, понимаю сразу. Похоть не спрятать. Не зарыть за маской целомудрия. Она всегда ощущается. Её запах дурманит, превращая в дикого зверя. Пусть я не нравлюсь этой цаце, но она меня хочет. Как самка. Животное. Грязное и похотливое.

Жадно целую её губы, ласкаю тело, оставляю засосы, сжимаю волосы, заставляя смотреть мне в глаза, и вновь завладеваю ртом, забирая её дыхание и отдавая взамен своё. Она больше не лежит пластом. Алину нехило так потряхивает. Чувствую её пальцы в своих волосах, слышу тихие стоны и ухмыляюсь про себя. Что и требовалось доказать. Ей нравится моя близость. Да, девчонка делает вид, что выше этого, но мы ведь оба знаем, что Алина просто набивает себе цену.

Прикусываю нежную кожу, слизываю пот, ведя языком от шеи и ниже – в самый низ – и дурею от запаха и тактильных ощущений. Когда Алина издаёт первый действительно громкий стон, я подминаю её под себя и вхожу на всю длину. В ней настолько тесно, горячо и мокро, что я на мгновение замираю, зажмуриваясь от кайфа, а затем начинаю ритмично вбиваться меж её широко разведённых ног, и нас моментально сносит. Обоих. Подчистую.

Она выкрикивает моё имя, царапает спину ногтями и стонет как безумная. Я и сам на грани помешательства. У меня ни с кем не было вот так – остро и до боли невозможно. Это не любовь. Не влюблённость. Просто дикая похоть, которая в итоге перемелет нас обоих и выплюнет наши окровавленные ошметки. Но как отказаться от этого, я не знаю.

Ведь дело в том, что я не хочу отказываться.

Глава 8

Эмир

Пробуждение даётся непросто. На свет смотреть больно, голова раскалывается, а во рту настоящая пустыня. Хорошо, что сегодня воскресенье и не нужно ехать в офис с утра пораньше. А до вечера я успею оклематься. Очень на это надеюсь. Зачем я столько выпил вчера? И где Алина? Точно помню, что, когда я засыпал, она лежала рядом.

Заставляю себя встать с кровати и направляюсь в ванную, где и застаю Алину. Она стоит у зеркала и рассматривает последствия моего ночного срыва. Я и правда неслабо так переборщил. Вся её фигурка усыпана отметинами от моих

губ и пальцев. Особенно сильно досталось шее, груди и бёдрам.

Сталкиваюсь с Алиной глазами через зеркало. Она сто процентов плакала, но при этом смотрит на меня чуть ли не с ненавистью. Однако стыда за содеянное я не ощущаю. Заслужила.

– Уже принимала душ?

Мотает головой, продолжая смотреть волком.

– Значит, ходим вместе.

– Зачем? Я могу подождать или пойти в другую комнату.

– А я говорю, что ты примешь душ вместе со мной. Это моё желание. Выполняй.

Подталкиваю её к душевой кабине, захожу следом, закрываю за нами створки и включаю воду, направляя душ таким образом, чтобы вода не хлестала нам в лица.

Пока я чищу зубы, Алина надраивает свою кожу с таким остервенением, что того гляди вспыхнет. Но сколько бы она ни старалась отмыть мой запах, его уже не вытравить. Я буду клеймить и пропитывать её собой снова и снова. Чисто из принципа. Потому что могу. И хочу. Но сегодня вечером мне не нужна рядом угрюмая разъярённая фурия. Так что немного нежности не помешает. Надо задобрить девчонку.

Перехватываю руку Алины и разжимаю её пальцы, забирая мочалку.

– Давай потру тебе спину. Не дотягиваешься же.

Она молча поворачивается и перебрасывает волосы на одну сторону.

– Видишь, – произношу, наклоняясь к её шее. – Вот в чём несомненный плюс совместного мытья.

Усмехаюсь, с удовольствием отмечая, как нежная кожа покрывается мурашками там, где её коснулось моё дыхание. Алина обижена и зла на меня, но реакцию своего тела заблокировать не может. Хотя, если так подумать, у женщин все реакции берут начало в голове. Значит, я всё-таки сильно привлекаю Алину. Видит во мне Назара? Или её так возбуждают мои деньги?

Натираю ей спину. Сначала с нажимом, но постепенно всё мягче и мягче. И вот уже мочалка не моет её, а ласкает. Едва касаясь, провожу ею от плеча до кисти – с одной стороны и с другой. Затем нежно скольжу по ягодицам, а потом – вверх по позвоночнику.

– Эмир, что ты делаешь?

– Мою тебя. Разве не чувствуешь?

– Ты не моешь.

– Но тебе ведь нравится? – вкладываю в интонацию чувственные нотки, и Алина рвано выдыхает, выдавая себя с потрохами.

Мочалка летит на пол, а я приближаюсь вплотную и массирую Алине плечи, одновременно оставляя лёгкие поцелуи на задней поверхности шеи. Возбуждённый член упирается Алине в поясницу, и я еле сдерживаюсь, чтобы не направить его туда, куда следует.

– Я не могу сейчас, – бормочет Алина, наклонив голову и подставляясь под мои ласки. – Мне нужен перерыв.

Нет у тебя времени на перерыв, девочка. Мне плевать, что ты устала со мной трахаться. Я не устал. И я вновь тебя хочу. Так что придётся разыграть тот самый козырь, против которого даже ты не устоишь.

– Прости меня, – шепчу ей в ухо, перемещая ладони на грудь и лаская затвердевшие соски, чем окончательно выбиваю у Алины почву из-под ног. – Перегнул, признаю. Я был сильно пьян, плохо понимал, что творю. Больше ни капли в рот не возьму, обещаю.

И я не вру ей. Мне нельзя пить. Категорически нельзя, пока она рядом. Достаточно несколько порций виски – и стоп-кран срывает к херам.

Хотя его и сейчас срывает. Стоит проникнуть в неё пальцем и услышать протяжный стон, меня вновь накрывает жадой её тела. Вот как трахать её нежно, когда при любом контакте внутри просыпается ошалевший зверь?

Влага на моих пальцах – зелёный свет для меня. Подталкиваю Алину к стеклянной стенке, заставляя упереться в неё руками, пристраиваюсь сзади и медленно погружаюсь в истекающую соками вагину. Охренеть... Каждый раз – как первый. При таком раскладе я уже неуверен, что мне когда-нибудь надоест брать её.

После секса и плотного завтрака-обеда я закрываюсь в кабинете и не выхожу оттуда до вечера, сортируя бумаги и сверяя расписание. С завтрашнего дня у меня прибавится работы. Мы запускаем новый проект, подготовка к разоблачению и последующему аресту Чакира идёт полным ходом, а также не стоит забывать и о Воскресенском. Сейчас не время для отдыха. Расслаблюсь, когда всё будет кончено.

От дел меня отрывает робкий стук в дверь. Спустя несколько секунд дверь открывается, и горничная, возникшая на пороге, жестами показывает, что Алина уже ждёт меня. Не то чтобы я настолько подкован в жестах глухонемых, но основные за такое долгое время понимать научился. Обычно с прислугой общается управляющий, в обязанности которого входит контроль за порядком в особняке. Он давно работает на меня, знает и русский, и турецкий, и язык жестов. Все бытовые дела и проблемы на нём. У меня нет времени на такие мелочи, как раздача указаний прислуге и составление меню на день.

Да, все мои домработники глухонемые, кроме управляющего и охраны. Так нужно. Дополнительная страховка. Все, кроме одной. Русская женщина, которую я нанял специально для Алины, прямиком из провинциального городка прилетела к нам. Она не понимает ни одного слова по-турецки. И не поймёт, если не хочет вылететь отсюда как пробка. Зато знает язык жестов. А вот телохранители языка жестов не знают, но прекрасно понимают и по-русски, и

по-турецки.

Кто-то скажет, что я параноик. Возможно. Я не доверяю никому. Даже себе. А другим людям и подавно.

Быстро переодеваюсь в смокинг, захожу за Алиной и сопровождаю её к машине. Мы едем на званый ужин в честь благотворительного фонда, который я спонсирую. Отличная возможность представить всем мою жену. Да и Алине будет полезно наконец-то выбраться со мной в свет. А то совсем заскучала. Она не говорит, как тяжело ей привыкать к новой для себя обстановке, но я и так это вижу. И раз уж есть вероятность того, что мне придётся использовать Алину, чтобы потопить Воскресенского, то нужно быть с ней чуть мягче. Алина должна встать на мою сторону.

Автомобиль везёт нас по ночному Стамбулу. Алина сидит напротив меня и смотрит в окно, а я – на Алину. Все следы моей ночной агрессии надёжно затонированы, но я помню, где и в каких количествах их оставил.

Алина успешно справилась с поставленной задачей: оделась со вкусом и весьма достойно. Длинное атласное платье изумрудного цвета повторяет изгибы её тела, подчёркивает цвет глаз и природную красоту. Волосы убраны в высокую причёску, в ушах серьги с бриллиантами, на шее новое кольцо, а в руках Алина держит чёрный клатч, украшенный камнями. Выглядит она шикарно, но при этом достаточно официально. Как и положено моей жене.

У входа в здание нас встречает толпа фотографов. Обнимаю Алину за талию, целую в висок и улыбаюсь, всем своим видом показывая, как я счастлив быть с ней. Она тоже идеально исполняет свою роль. Нежный секс и бриллиантовое кольцо всё же заставили её сменить гнев на милость. Как мало нужно женщинам...

– Эмир! – приветствует меня Юсуф, стоит нам войти внутрь.

Он подходит к нам ближе, жмёт мне руку и тихо произносит, что моя вчерашняя просьба взята в исполнение. Киваю в знак благодарности и представляю их с Алиной друг другу.

– Добрый вечер, Алина, – произносит Юсуф по-русски, скользит по ней взглядом и улыбается, а у меня внутри что-то неприятно клокочет. – Эмир много о вас рассказывал. Приятно наконец-то познакомиться с вами лично.

Юсуф целует её руку, а Алина улыбается ему в ответ, благодарит за комплименты, которые он ей отвешивает, хвалит его произношение и тоже проявляет свои первые познания в турецком, чем очаровывает моего друга ещё больше. Ну всё, пора это прекращать. Мне не нравится их общение. Юсуф привлекательный сорокалетний мужчина. Опытный ловелас и криминальный авторитет. Зная Алину, она легко может им увлечься. Но никаких других мужчин, кроме меня, в её жизни не будет. Не позволю.

Веду Алину за столик, отодвигаю ей стул и предлагаю Юсуфу прогуляться до бара.

– Теперь я понимаю, чего ты на ней так залип, – усмехается Юсуф, когда мы отходим. – А в постели она как, огонь?

Разворачиваюсь к нему и цежу в лицо:

– Ещё одно слово, и я не посмотрю, что мы с тобой друзья. Не смей её касаться. Больше никогда.

– Оу, вау! – Юсуф поднимает руки в примирительном жесте. – Да она тебя конкретно зацепила. Ладно, бро, не кипятись. Нахрена мне чужая баба? Тем более твоя. Просто выразил своё одобрение. Классную жену ты себе отхватил. Жаль, брак фиктивный. Хотя... – он снова усмехается. – Глядя на тебя, я бы так не сказал.

– Когда закончите с Чакиром? – меняю тему, чтобы не сорваться на грубость.

– Если всё пойдёт без осложнений, то скоро. Я дам тебе знать.

– Когда прилетает Асад?

– Через неделю, если ничто не изменит его планы.

– Организуй нам встречу.

– А зачем он тебе?

– Асад долгое время вёл дела с Воскресенским. Он может что-то знать.

– И ты хочешь уговорить Асада помочь тебе? – Юсуф усмехается. – Ну попробуй. Держу за тебя кулачки. Выпьешь? – он кивает в сторону бара.

– Нет, спасибо. Вернусь за столик. Присоединяйся потом.

– Ну если ты меня не приберёшь, то с радостью. Смотреть-то на твою Алину можно?

– Рискни, – ухмыляюсь, а Юсуф ржёт.

Пока я иду к столику, то замечаю один весьма неприятный факт: многие мужчины откровенно раздевают глазами мою жену. Их взгляды так и пышут неприкрытой похотью. Порву нахер любого, кто к ней прикоснётся! Она моя, блять! Моя. Пока я не решу, что Алина мне больше не нужна, ни один мужчина к ней не приблизится ближе, чем на два метра. Если увижу, что кто-то касается её – убью на месте обоих. И я не шучу.

– Эмир! – окликает меня знакомый женский голос, и я резко оборачиваюсь, не дойдя до столика пару шагов.

Глава 9

Алина

Никогда не могла подумать, что, находясь на светском приёме в окружении элиты города, я буду чувствовать себя не в своей тарелке. Словно я не родилась с золотой ложкой во рту. Словно не принадлежу к высшему кругу.

Никому неизвестно о моём состоянии. Даже Эмир не просёк, что моё настроение на нуле. Как и о том, что его шикарный подарок не сумел приободрить меня. Наоборот. Брильянтовое кольцо ощущается тяжёлой вязкой грязью на шее, потому что знаю: муж подарил его, только чтобы задобрить меня после своей вчерашней чрезмерной грубости в постели. Это не знак внимания, а чисто стратегический ход. На этом приёме Догану нужна послушная, счастливая жена, а не злобная стерва, которая в отместку способна устроить скандал.

А я бы с радостью закатила здесь сцену, опустив Эмира в глазах всех сливок общества, да не так воспитана. Как ни крути, Доган – мой муж. А мама часто мне говорила, что нельзя выносить сор из избы. На людях жена обязана проявлять к своему мужчине уважение, даже если сильно зла на него.

Внешне я держусь молодцом, как и подобает девушке из высшего общества, но что творится у меня внутри – не описать словами. Выпрямив спину и наклеив на губы милую улыбку, я покорно сижу за столом и ощущаю себя чужой. Одинокой. Потерянной. Мне хочется закричать во весь голос, выпустив кучу накопившихся негативных эмоций на волю, и сбежать отсюда как можно дальше.

Мне здесь не место. Это не мой город. Не моя любимая Москва. Не мой язык. Не моя культура. И меня со всех сторон окружают абсолютно незнакомые люди. Кроме Эмира и его друга Юсуфа, я здесь никого не знаю. Но мой муженёк не изъявляет желания со мной общаться вне спальни, а с Юсуфом и пяти минут не позволил побеседовать. Чуть ли не на полуслове меня оборвал, посадил за стол, а сам отошёл поговорить с ним о делах. Но о делах ли?

Я наблюдаю за мужчинами издали. Как, впрочем, и огромное количество других девушек. И они достали, честно говоря. Мне так и хочется взять нож со стола, чтобы вырезать глаза всем собравшимся здесь леди. Сколько можно бросать кокетливые взгляды на моего мужа? Они же видят, что он находится здесь со мной и полностью игнорирует их попытки привлечь к себе внимание.

Мысленно хвалю Эмира за то, что он безупречно сохраняет лживый образ влюблённого мужа. А также радуюсь присутствию Юсуфа. Он тоже чертовски привлекательный мужчина и перетягивает часть женского внимания на себя. За что огромное ему спасибо. Хоть немного помогает контролировать в себе ревнивицу. Но увы, недолго. Как только Эмир заканчивает разговор с другом и уверенной походкой направляется ко мне, ревность шустро вытаскивает топорик и встаёт в позу, потому что по моим ушам режет мелодичный женский возглас:

– Эмир!

Муж оборачивается, и я ожидаю, что он, как и все предыдущие разы, останется полностью равнодушен, но мои ожидания с треском разбиваются. Эмир расплывается в ясной улыбке, а в доселе серьёзном взгляде вспыхивает восторг. И я, чёрт побери, прекрасно его понимаю.

Неспешно плывущая к нему женщина сногшибательно красива. Грациозна. Чувственна. Элегантное платье в пол подчёркивает округлые бёдра, узкую талию и пышную грудь. Длинные чёрные волосы свободно спадают по оголённым плечам, а карие глаза светятся счастьем и самоуверенностью. Ну, прям, истинная королева этого вечера, на которую все мужики сворачивают шею. А Эмиру я и сама готова её свернуть, когда он резко меняет траекторию движения и подходит к этой женщине.

– Dhalia, ne bulusma! – с неприкрытой радостью произносит мой муж и, представьте себе, приобнимает красотку за талию, нежно целуя в щёку.

Он совсем обалдел?!

– Seni Istanbul'da g?rmeyi beklemiyordum. Ve ne kadar zamandır geri d?nd?n?

Эту реплику мужа я не понимаю, да и плевать, что он там ей сказал. Главное, Эмир быстро отодвигается от собеседницы, уберегая себя от преждевременной смерти. Правда, зубы мне ему всё равно хочется выбить за то, что продолжает улыбаться ей во весь рот. А после и с её губ одним ударом смести очаровательную улыбку.

Женщина отвечает ему мягким голосом, и между ними завязывается разговор, тему которого мне не уловить. Я посещаю занятия по турецкому только три недели и не могу понять быстрый поток незнакомых слов. Это бесит. О чём они разговаривают? Кто они друг другу? Где познакомились? Когда? Почему Эмир опять касается её руки? Почему позволяет ей коснуться пальцами его плеча? И какого чёрта с её появлением мой муж будто забыл о моём существовании?

Долго сидеть на месте и наблюдать за воркующей парочкой моей выдержки не хватает. Я протяжно выдыхаю, с трудом беря ярость под контроль, и решаю

сама напомнить мужу о себе.

Подхожу к нему в тот момент, когда он в очередной раз дотрагивается до предплечья Далии.

- İyi aksamlar, - здороваюсь я, отдавая все силы на то, чтобы мой голос не выдал и толики негодования. - Может, представишь нас, Эмир? - перехожу на английский, устремляя на мужа цепкий взгляд.

Тот всматривается в меня несколько секунд, неизвестно что считывая по моему лицу, и плавно прекращает так ярко улыбаться, словно я ему весь кайф только что обломала. В то время как его собеседница как будто даже рада видеть меня.

- Ох, ты, должно быть, Алина, - она с интересом разглядывает моё лицо, и я делаю то же. Вблизи оно кажется ещё прекрасней. Красивые правильные черты подчеркнуты безупречным вечерним макияжем. Мне даже придаться не к чему. Каждый штрих идеален.

- Да, Далия, это моя жена Алина. Алина, это Далия. Мой деловой партнёр и старая подруга.

- Ну не такая уж я и старая, - Далия тихонько смеётся, затем протягивает мне руку. - Приятно познакомиться, Алина.

- Взаимно, - откровенно лгу, отвечая на рукопожатие.

- В жизни ты ещё красивее, чем на фото.

- На фото?

- Да, я видела статьи о вашей свадьбе. Такой грандиозный праздник. Ты выглядела потрясающе, - комплимент женщины звучит искренним, но мне она всё равно не нравится.

- Не думала, что в Турции читают русскую прессу.

– Ты права, не читают. Я в том числе. Но, когда узнала, что один из самых завидных холостяков Стамбула вдруг женился, я не могла не прошерстить интернет, чтобы убедиться наверняка, что это правда. И не сказал же мне ничего, подумать только! – Далия с шутливым укором смотрит на Эмира. – Я тебе это ещё припомню, Доган. Вот увидишь.

– Уже боюсь.

– И правильно делаешь. Я опасна в гневе. Ты же знаешь.

– Знаю, – усмехается муж, и я вмиг понимаю, что меня так сильно задевает в их общении. Вовсе не тот факт, что Далия – одна из самых роскошных женщин, которых я встречала. Одна лишь красивая внешность не заставит меня видеть в женщине конкурентку, ведь я и сама шикарная.

Всё дело во взгляде Эмира. Так не смотрят на простых партнёров или подруг. Так смотрят на женщин, которые занимают важное место в жизни мужчины. С таким теплом, трепетом и восхищением, что... чёрт! Это убивает. Буквально на куски дерёт. Опустошает лёгкие, усложняя мне задачу дышать.

Эмир ни разу так не смотрел на меня. Возможно, Назар – да. Но все его взгляды, слова и поступки были притворством. Их нельзя брать в расчёт. Считается только то, что происходило с момента, когда Эмир сбросил с себя маску влюблённого в меня мужчины. А с тех пор между нами не было ничего, кроме ошеломительного секса, по окончании которого Эмир почти всегда уходил в свою спальню, оставляя меня в одиночестве. Оттраханной. Наполненной его спермой. Использованной. Не нужной.

Продолжая наблюдать за их общением, я всё больше убеждаюсь, что между Эмиром и Далией были романтические отношения. И я уверена, что Эмир никогда не обращался с ней так, как со мной. Эмир не только восхищается ею, но и уважает Далию. Это видно невооружённым глазом. И она тоже себя уважает.

Могу поспорить, что эта женщина, излучающая грацию, самодостаточность и уверенность в себе, ни за что не позволила бы мужчине вести себя с ней потребительски и неуважительно. Я тоже ещё совсем недавно думала, что не позволю. Но я позволяю. Сначала я это делала ради спасения семьи и

благополучия, а вчера... вчера по совсем другой причине.

Когда муж явился ко мне посреди ночи пьяный и насквозь пропахший женскими духами, ревность буквально душила меня. Мне хотелось послать гуляющего мудака на все четыре стороны, прокричав в его пьяную рожу, что я не могу больше продолжать так жить. Но это желание рвалось наружу лишь до тех пор, пока Эмир сам не заговорил о разводе. Вот так неожиданно. Прямо мне в лицо. После посещения стрип-клуба, в котором наверняка облапал кучу женщин.

Доган ещё раз доказал, что я для него ничего не значу. Он готов отпустить меня в любой момент. Без колебаний и сожалений. При этом не лишая папы работы и дохода, что спокойно мог бы обеспечить всей нашей семье благополучную жизнь.

Так почему же я не согласилась?

Всё до банальности просто. Я не представляю своей жизни без Эмира.

Да. Вот такой жалкой девушкой сделал меня минувший месяц.

Я днями напролёт мечтала найти способ выбраться из этого фарса, чтобы вернуться в Россию, к семье, к друзьям, к родным краям и зажить прежней жизнью. Но стоило Эмиру заикнуться о разводе – и все моменты горечи, злости, грусти и обиды перестали иметь значение. Я представила, как мы расстанемся, я уеду, а Эмир вместо меня каждую ночь будет трахать другую женщину, и пришла в ужас.

Нет! Не бывать этому! Несмотря на тотальный душевный раздрой и неприятие наших отношений с Эмиром, я не уеду и ни одной бабе не отдам своего мужа. Он – мой! И пусть эта Далия даже не надеется, что сумеет отнять его у меня.

Глава 10

Алина

– Ой, простите. Мне нужно оставить вас и ответить на важный звонок, – глядя на вибрирующий айфон, произносит Далия, даже не догадываясь, что ещё немного – и я бы сама силой утащила Эмира подальше от неё.

И плевать мне было бы на мнение всего высшего света Стамбула. Как тут оставаться воспитанной леди, когда какая-то шикарная цаца полностью завладела вниманием моего мужа? Мама меня к такому не готовила.

– Хорошего вам вечера. Возможно, ещё пересечёмся сегодня, – с улыбкой прощается Далия и спешно выходит из зала, наконец оставляя нас с Эмиром вдвоём.

Правда, радости я не ощущаю. Я так зла на него, что едва сдерживаю себя, чтобы повременить с истерикой до возвращения домой. Эмир даже не объясняет, кто она, откуда и что их связывает на самом деле. Он вообще ничего не говорит. Просто берёт меня под руку и ведёт по залу, то и дело заводя беседы с важными людьми. Далия, как назло, постоянно попадает на глаза. Я реально вижу её повсюду, где бы мы с Эмиром не оказывались. Даже когда мы садимся за наш столик, я замечаю, что Далия занимает место за столом, который находится всего в нескольких метрах от нас.

У меня на почве ревности паранойя разыгралась, или эта «старая подруга» действительно шастает за нами по пятам? Не знаю. Ни черта не знаю, кроме того, что жажду стереть эту женщину с лица земли.

С этими кровожадными мыслями и неугасающей ревностью я и провожу следующий час вечера, пока учредители фонда по очереди поднимаются на сцену, произносят речь и благодарят спонсоров.

– Ты не голодна? – интересуется Эмир, когда официальная часть заканчивается.

Надо же! Вспомнил обо мне наконец! Муж века, блин!

– Нет, – бурчу я, хотя уже несколько часов ничего не ела.

Кусок в горло не лезет. Особенно, когда чувствую тяжёлый изучающий взгляд Эмира.

– Я не знаю, что у тебя опять с настроением, но напомним: если ты испортишь вечер, последствия будут ужасны.

Не знает, что у меня с настроением?! Серьёзно?! Он даже не понимает, что сделал не так?!

– Я всё помню, – проглотив колючий ком в горле, отвечаю я. – И как видишь, до сих пор я веду себя достойно.

– Надеюсь, так оно и будет продолжаться.

– Надейся.

Мне даже смотреть не нужно на Эмира, чтобы понять, что от злости он сильно сжимает челюсть. Кажется, я даже слышу её скрип и точно чувствую исходящую от мужа агрессивную энергию. Однако он тоже тот ещё мастер контроля. И слова грозного не говорит. Лишь аккуратно, убийственно нежно касается пальцами моей щеки и убирает выпавший локон за ухо.

– Улыбнись, Алина, – Доган наклоняется ко мне, запуская карусель мурашек по всему телу. – Роль недовольной суки тебе не идёт, – произносит ласковым голосом и чуть приподнимает уголки губ в улыбке, глядя на меня так, словно... я для него не просто купленная шлюха, а действительно любимая женщина, чьей красотой он любуется сейчас.

И это чертовски больно.

Его взгляд не настоящий, а сыгранный на публику. Как и чувственная улыбка, и трепетные прикосновения пальцев к моей щеке. Нужно отдать Эмиру должное. Он – потрясающий актёр. Уверена, никто из присутствующих не заподозрит его в фальши. Одна я знаю, что все его действия влюблённого мужчины – всего лишь первоклассная игра, которую мне необходимо поддерживать во что бы то ни стало.

И я поддерживаю. Рыдаю внутри, кричу, вою, а внешне выполняю то, о чём попросил меня муж – улыбаюсь, а затем покорно соглашаюсь, когда он приглашает меня на танец.

Эмир ведёт меня в центр зала и притягивает к себе. Руки обжигают талию, губы касаются моего виска, и нежное касание будто вспарывает кожу. Втягиваю любимый запах, и возбуждение скручивает всё ниже пояса. Дрожь проносится вниз по позвоночнику, а сердце берёт уже столь обыденный разгон.

Ну почему я всегда настолько остро реагирую на него? И почему Эмир всегда так остро реагирует на ту, которую презирает? У него стоит. Сильно. Его каменное желание упирается мне в живот. Или на сей раз это не я являюсь виновницей его стояка, а присутствие Далии его настолько возбудило?

Чёрт! Зачем я об этом подумала? Чуть успокоившаяся ревность во мне вновь взбирается на трон, перенимая бразды правления над телом и языком.

– Я тут хотела спросить, – сильно сжав руку Эмира, цежу я.

Он отрывает губы от моего виска и опускает на меня вопросительный взгляд.

– Раз уж ты разгуливаешь по стрип-клубам, может, тогда и я могу посетить какой-нибудь клуб? Естественно, тайно. Никто из журналистов и твоих знакомых не узнает. Я умею оставаться незамеченной.

– Ты что несёшь? – показная улыбка миглом слетает с его губ, тело будто железными доспехами сковывается.

– А что такое? Я же не собираюсь тебе изменять, а просто хочу немного повеселиться и оценить ночную жизнь Стамбула. Может, подружусь с кем-нибудь. Кто знает? Дружья в Турции мне не помешали бы.

– И ты собралась друзей в ночных клубах искать?

– Ну мужа ведь там нашла. Значит, и друзей найти особого труда не составит, – расплываюсь в язвительной улыбке.

Выражение лица Эмира бесценно. Мои щёки аж огнём обдаёт от его испепеляющего прицела, а обиженная стерва во мне запускает фейерверки. Моя провокация сработала на ура. Но я в этом даже не сомневалась.

Пусть Эмир не любит меня и никогда не станет ревновать так, как делаю это я, но чувство собственности в нём имеется. И он ни за что не позволит своей «покупке» идти в места, где её будут окружать сотни других мужчин, жаждущих повторить тот же сценарий, что был у нас с Назаром в Москве.

– Идём, – вдруг приказывает он. Его глухой голос – просто песня для моих ушей.

– Куда?

Но Эмир не отвечает. Берёт меня под локоть и неспешно выводит из главного зала, оставляя все голоса и шумы торжества за нашими спинами.

Мысль о том, что мы наконец едем домой, радует меня ещё больше. Но всего несколько секунд. Когда вместо выхода из здания, мы двигаемся к лестнице и поднимаемся на второй этаж, где абсолютно безлюдно, моя кратковременная радость стремительно улетучивается.

– Куда мы идём? – взволнованно спрашиваю я, едва переставляя подрагивающие ноги, ведь интуитивно догадываюсь, что он собирается сделать. – Ты не посмеешь, Эмир!

Пытаюсь вырвать руку из его хватки, но куда уж там. Он даже не замечает моих жалких попыток освободиться. Прёт как танк по коридору, игнорируя все мои возражения и угрозы о том, что, если он не остановится, я буду кричать.

Ему безразлично всё, что я ему говорю и о чём прошу. Словно отключившись от всего мира, Эмир добирается до двери в уборную, заталкивает меня внутрь и закрывает комнату изнутри.

– Ты что, мать твою, вытворяешь?! Совсем ума лишился и забыл, где мы находимся?! – обернувшись к нему, срываюсь на крик, о чём тут же жалею.

Эмир и так был взбешён после моих слов о клубе, а сейчас он в гневе. Неистовом, лютом, словно розгами бьющим меня даже с расстояния.

– Это ты, по ходу, забыла где, с кем и почему находишься! Но не вопрос. Сейчас я тебе напомню, – высекает он и в три шага обнуляет расстояние между нами.

Испуганный писк вылетает из горла, когда крупная ладонь окольцовывает мою шею и вдавливает затылок в стену.

- По клубам вздумала шастать? Совсем мозги растеряла?

- Я не...

- Это был риторический вопрос, Алина. И так знаю, что интеллектом ты не блещешь.

- Да как ты...

- Рот закрыла! - он пресекает мой бурный порыв возмутиться и резким движением срывает с моей груди изумрудный атлас.

- Эмир! Моё платье! Ты что натворил?!

Желая спасти брендовый шедевр от падения на пол, ловлю ткань на талии, но безумец обхватывает мои запястья, одной рукой скрепляет их над головой, а второй до боли сжимает мои скулы.

- Отпусти!

- Я сказал: закрой рот.

- А то что? - безудержная злость помогает шевелить губами и удерживать прочный зрительный контакт с его гневными глазами. - Членом опять его мне закроешь?! Так давай, чего ждёшь?! Вчера грубо оттрахал мой рот, что сегодня мешает сделать то же?!

- Я тебе не только рот грубо оттрахаю, если ты ещё хоть раз посмеешь выдать мне подобную хрень.

- А что такого я сказала? Подумаешь, в клуб хочу сходить. Почему тебе можно, а мне нельзя?

– Потому что ты моя, блять! Только моя! И смотреть, трогать, трахать и дышать с тобой рядом позволено только мне, понятно?!

Но это тоже явно был риторический вопрос, потому что Эмир и секунды мне не даёт, чтобы на него ответить. С одержимостью рычит мне в губы и запечатывает их болезненным поцелуем.

Обычно трезвый он никогда не целует меня, но сейчас, видимо, ревность со злостью опьянили его мозг ничуть не меньше, чем вчера алкоголь. И это так непривычно, сладко, остро, до одурения приятно – осознавать, что Эмир ни с кем не хочет меня делить. Причины не имеют смысла. Важно, что муж считает меня своей и наглядно показывает это.

Эмир поедает мои губы, кусает, лижет, терзает до саднящей кожи и привкуса крови. Всю души из меня выпивает, а я опять ему это позволяю. Потому что не могу иначе. Не могу продолжать злиться, обижаться, ревновать, помнить о самоуважении и здравом смысле. Потом – да, я погрязну во всём этом негативном хаосе, но не сейчас, пока Эмир так меня целует. Так тяжело, надсадно дышит. Так сильно вдавливают своим напряжённым телом в стену, словно жаждет стать со мной единым целым. Я тоже этого хочу. Всегда. Бесперывно. Несмотря ни на что и вопреки всему. И Эмир чувствует это. Считывает мои желания как открытую книгу. Освобождает запястья, позволяя рукам опасть на его плечи. Ладонями быстро очерчивает изгибы моего тела и сжимает пальцами ягодичы, ноющие после его вчерашней несдержанности.

Под аккомпанемент моего сдавленного стопа Эмир разрывает поцелуй. Глаза в глаза. Пауза – короткая, искрящаяся, мучительно сладкая, а затем он вдруг отстраняется от меня. Но лишь для того, чтобы развернуть меня спиной к себе и переместить к столешнице с раковиной.

Толчок в спину – и я опираюсь руками на прохладную поверхность. Вскрикиваю, когда Эмир спускает с моих бёдер трусики и заряжает ладонью по ягодиче. Всего раз, но с такой злостью и силой, что завтра наверняка проявится новый синячище. Однако внешние отметины меня не заботят. Они не болят так, как внутренние шрамы, которые Эмир постоянно наносит мне словами.

– Ты только посмотри на себя, Алина. Опять течёшь как похотливая девка, – коснувшись пальцами моей влажной плоти, издевательски усмехается Эмир. –

Похоже, перспектива быть оттраханной в туалете чертовски завела тебя, девочка из высшего общества.

Ты меня заводишь! Ты и только ты, чёрт бы тебя побрал, Доган! В твоём шикарном особняке, в убогой квартире Назара, в туалете, на улице, везде! Место не имеет значения!

Но отчаявшись и вкрай потерявшая страх стерва во мне вынуждает меня вместо правды ответить колкостью:

– Ошибаешься, – копирую ухмылку мужа, встречаясь с его чернильным взглядом в отражении зеркала. – Так сильно завёл меня твой друг. Юсуф очень мне понравился. Жаль, ты не позволил нам пообщаться подольше.

Да, я больная, на всю голову повёрнутая влюблённая в него дура, раз провоцирую Эмира ещё больше, но мне это нужно. Крайне необходимо – почувствовать, что я ему небезразлична. Пусть через боль, агрессию, чересчур жёсткий секс, но я хочу ощутить все эмоции по отношению ко мне.

И я их ощущаю. Всеми клетками тела впитываю ядерный импульс его праведной ярости. Он просачивается сквозь поры, воспаляя всю изнанку кожи. Меня бьёт дрожь. Эмира тоже. Убиваем друг друга взглядами и вместе накаляемся, нагревая воздух до опасной отметки. Становится нечем дышать. И не только из-за эмоционального накала, но и потому, что Эмир без слов, с каким-то первобытным рычанием грубо накрывает ладонью мою шею, расстёгивает брюки и врывается в меня до самого основания.

– Блять... Как же ты меня бесишь, – на миг замерев, шипит он мне в висок, продолжая сдавливать моё горло, но меня не задевают ни его слова, ни грубость. Наоборот. Я прикрываю глаза и мычу от оступляющего удовольствия, простреливающего тело разрядами тока.

В отличие от меня, Эмир быстро приходит в себя от остроты первого проникновения и начинает вдавливать в меня резко, глубоко, бесконтрольно. Так, как я и хотела. Не сдерживаясь. Отдавая мне всего себя. Рычит, стонет, матерится. Повторяет, как люто меня ненавидит и как хочет меня прибить. Однако, стоит Эмиру заметить в отражении, что я в самом деле начинаю задыхаться, как он приходит в себя и тут же освобождает мою шею.

Не понимаю, как, но я умудряюсь одновременно хватать ртом воздух и выпускать на волю все собравшиеся в горле стоны. Безумие. Чистейшие. Неразбавленное. И оно лишь сильнее мной овладевает, когда Эмир срывает с моей груди бюстгальтер. Не расстёгивает сзади, а именно дёргает его вниз, лишь наполовину освобождая мои чувствительные округлости от чашек. Специально, чтобы мне было больнее, когда он начинает сминать грудь в своих руках. Жёстко. Нещадно. Наказывая. И также трахает, трахает, трахает... Всё быстрее и жёстче. Громче, сильнее. До мощных ударов плоти о плоть, звонких шлепков и хлюпающих звуков, сплетающихся в оглушительную пошлую какофонию.

Боже! Как же я не хочу, чтобы она заканчивалась. Каждый раз не хочу. Сейчас не исключение. И плевать, что Эмир трахает меня в общественном туалете. Плевать, что он делает это в наказание. Плевать, что тазовые кости больно бьются о столешницу, а на моей коже на глазах появляются свежие отметены. Всё это мелочи, которые я буду оплакивать дома. Сейчас важен взгляд моего мужа. Свирепый, безумный, неадекватный, но такой пристальный, голодный, плотоядный. Эмир пожирает моё кайфующее лицо в отражении. Не грудь, покрасневшую от его терзаний, а именно лицо.

Я центр его вселенной в данную минуту. Не Далия, не бабы из стрип-клуба, а я. И это делает меня самой счастливой на свете. Пусть на совсем недолгий промежуток времени, но я счастлива. Я растворяюсь в своём личном обмане и искренне верю, что сейчас между нами существуют не только безрассудная похоть, но и любовь. Та самая, что примагнитила друг к другу Катю и Назара. Та, которую я по глупости предала и растоптала.

– Эмир... я тебя... – рвущееся из самых недр души признание практически срывается с губ, но Эмир накрывает мой рот ладонью, и слово «люблю» так и остаётся таять на языке. А вслед за ним и моё сердце.

Нисколько не сбавляя темп толчков, Эмир губами жалит мою шею и плечи, оставляет укусы, засосы, влажные отметены. Дыхание рвётся на череду шумных вдохов. Они плавят кожу, одновременно усыпая её горстью мурашек. Мне и холодно, и жарко – лихорадит. Капли пота стекают по вискам, глаза закрываются, уши закладывает. Я почти не слышу наши громкие стоны, когда невероятный по силе оргазм накрывает нас с головой. Одновременно. Сильно. До дрожи и тотальной отключки мозга. Обожаю. Пусть этот эпичный момент

никогда не кончается. Пусть время хоть ненадолго замрёт. Умоляю.

Но увы, секунды нашего совместного кайфа заканчиваются до жути быстро. Я возвращаюсь в реальность и чувствую, как Эмир совершает несколько финальных толчков и покидает меня, заставляя вмиг ощутить леденящую пустоту внутри.

– Держись, Алина, – командует он и выпускает меня из своих грубых объятий.

Я крепче хватаюсь за столешницу, чтобы суметь устоять на трясущихся ногах, по которым стекают вязкие капли спермы.

– И прекрати лить слёзы.

Слёзы? О чём он говорит?

В недоумении я открываю глаза, с трудом фокусируюсь на своём отражении в зеркале и вижу, что действительно плачу. Водостойкая тушь осталась невредимой, но покрасневшие щеки обильно покрыты влагой. А я и не заметила, что не сдержалась. Была уверена, что сумею дотерпеть до дома.

– Повторяю: прекращай плакать. Это бессмысленно. И никак меня разжалобит. Ты получила лишь то, на что сама напросилась. Впредь будешь думать перед тем, как что-либо говорить, – рубит Эмир, застёгивая ширинку и даже не глядя в мою сторону.

Наверное, после сброса злости и напряжения я автоматом стала ему противна, раз он даже смотреть на меня не может. И я его прекрасно понимаю. Мне тоже противна та потрёпанная девка, что смотрит на меня сейчас. Я не знаю, кто она. Я её не понимаю. И не верю, что она реальна.

Я мечтаю закрыть глаза, заснуть, а наутро проснуться в Москве в простенькой, но уютной студии Назара. Прижаться к нему крепко-крепко, почувствовать его объятия и понять, что всё произошедшее со мной за весь этот месяц – всего лишь дурной сон.

Глава 11

Алина

– Алина Григорьевна, вы меня слышите?

Мне удаётся расслышать голос прислуги только после того, как её рука касается моего плеча.

– Что? – перевожу растерянный взгляд на невысокую, худощавую женщину. Она пристально смотрит на меня, в голубых глазах горит неподдельное волнение.

– Вы уже минут двадцать сидите без движения, а на меня отреагировали лишь с третьего раза. С вами всё в порядке?

Ещё полтора месяца назад я бы поставила служанку на место, напомнив ей, что в её обязанности не входит лезть ко мне с расспросами. Однако сейчас её искренняя забота не вызывает и капли негодования. Наоборот, она ощутимо согревает. Хоть кому-то в этом доме есть до меня дело.

– Да, с мной всё в порядке. Я просто задумалась. О чём ты меня спрашивала?

– Я хотела узнать, всё ли нормально с едой? Вы к ней почти не притронулись.

Бросаю взгляд на тарелку с моим любимым омлетом с овощами и лососем и ничего не чувствую. Аппетита ноль.

– Что-то в меня сегодня не лезет, – пожимаю плечами и делаю глоток воды.

– Может, передать повару, чтобы приготовил что-то другое?

– Нет, не надо. Ничего не хочу. Лучше пойду в свою комнату.

Встаю из-за стола и отправляюсь в спальню, где заваливаюсь обратно в постель и просто лежу, пялясь в потолок. Время от времени проверяю свой допотопный телефон. Но там, как всегда, нет ни одного сообщения или пропущенного

вызова. Эмир вот уже целую неделю не только не появляется дома, но и не звонит и не пишет. А, кроме него, мне звонить никто не может.

Моему мужу было мало просто забрать меня из России. В первый же день, как мы прилетели в Турцию, он ещё и обрубил мне связь с семьёй и друзьями. Отнял у меня айфон, а вместо него всучил доисторический кирпич с... кнопками! Я, как увидела это творение прошлого века, так обомлела. Думала, такие телефоны только в музеях можно встретить, но нет. Вот уже которую неделю этот динозавр с бесцветным экраном и полифоническими мелодиями лежит на прикроватной тумбочке. И позвонить с него я могу только Эмиру или в службу спасения. Все остальные звонки не проходят, а любая моя попытка найти нормальное средство связи мгновенно пресекается моим охранником.

Нормально? Как по мне – это явный перебор, но моему мужу начихать на мои претензии и попытки достучаться до его здравого смысла. Он наотрез отказывается возвращать мой айфон, сколько бы я его ни просила.

До того злосчастливого приёма, откуда я тайком выбиралась в одном пиджаке Эмира, я заставляла себя мириться с данным положением вещей. Но на этой неделе мне совсем паршиво на душе. От постоянного одиночества. От тоски по родному дому. От отвращения к себе. От отторжения всего происходящего. И от разъедающей всё нутро ревности.

Тот факт, что Эмир уже несколько дней не ночует дома, вконец добивает меня. Ни спать нормально не могу, ни есть, ни бесцельно бродить по колоритным улицам Стамбула. Ничего не хочется. Только выть и лезть на стенку от бесконечных мыслей об Эмире.

Днём он работает – это понятно, но ночью почему домой не возвращается? Всё ещё злится на меня? Хочет опять что-то доказать? Или он просто проводит ночи с Далией? Или с какой-то другой женщиной? Хотя... учитывая, что Эмир перестал появляться дома как раз после появления этой жгучей брюнетки, ответ напрашивается сам собой.

И это убивает меня, будто препарирует заживо. Я изо всех сил стараюсь не думать о них двоих, пытаюсь найти другое объяснение продолжительному отсутствию мужа, но горячие картинки обнажённых влажных тел Эмира и Далии против моей воли всплывают в голове, доводя меня до бешенства. Точнее, в

первые дни доводили. И я выплёскивала весь негатив с помощью крушения вещей в комнате и интенсивных тренировок в зале, а сейчас... во мне уже не осталось сил. Отсутствие нормального питания и бессонница сказываются на состоянии здоровья, вынуждая меня почти целый день проводить в кровати.

– Алина Григорьева, позвольте войти? – за дверью раздаётся участливый голос той же прислуги, с которой я разговаривала за завтраком.

На самом деле, только с ней я и могу общаться. Остальные домработники глухонемые, управляющий словно избегает меня, а охрана, мягко говоря, немногословна.

– Алина Григорьевна, вы там живы? Вы целый день не выходите. Я уже начинаю беспокоиться, – её донельзя тревожный голос подтверждает сказанное.

– Жива, – выдавливаю из себя только ради того, чтобы успокоить служанку, но она явно не расслышала моего тихого ответа.

В следующий миг женщина входит без разрешения в мою спальню. Следует несколько торопливых шагов, и прохладные пальцы касаются моего лба.

– Слава богу! Тёплая, – выдыхает она, а я впервые за эту неделю усмехаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/meri-vlad_/podchinyu-tebya-sebe

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)